

РОМАН НИКОЛАЕВИЧ КРИВКО

ТЕОРИЯ КРИТИКИ ТЕКСТА И ЭДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА:
К ВЫХОДУ В СВЕТ НОВОГО ИЗДАНИЯ
ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ*

The Povest' vremennykh let. An Interlinear Collation and Paradosis. Comp. and Ed. by D. Ostrowski. Ass. Ed.: D. J. Birnbaum. Senior Consultant: H. G. Lunt, Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts, Vol. X, Pt. 1, I–LXXXIV, 1–690, Pt. 2, LXXXV–CLXVI, 691–1372, Pt. 3, CLXVII–CXСII, 1373–2166. Cambridge (MA): Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 2003 (= *Повість временних літ. Міжрядкове співставлення і парадосис.* Скл. и відред. Д. Островскі. Заст. ред. Д. Дж. Бірнбаум. Головн. дорадник Г. Г. Лант, Гарвардська бібліотека давнього українського письменства. Корпус текстів, т. X, ч. 1, I–LXXXIV, 1–690, ч. 2, LXXXV–CLXVI, 691–1372, ч. 3, CLXVII–CXСII, 1373–2166, Кембридж (Масс.): Український Науковий Інститут Гарвардського Університету, 2003).

Издание Повести временных лет (ПВЛ), подготовленное американским славистом Д. Островским, представляет собой важный этап в изучении древнейших восточнославянских летописей. В трех томах издания содержится полный наборный текст ПВЛ до статьи 1110 г., которая завершается рассуждением об ангелах и отрывком из Иосиппона, опубликованными по Ипатьевскому (И) и Хлебниковскому (Х) спискам. Каждый из томов содержит вступительные, исследовательские или иллюстративные материалы. Все три тома имеют единую пагинацию (арабская – для наборного текста ПВЛ, римская – для прочих материалов).

Первый том открывается кратким вступлением ('Editorial statement', IX¹), за которым следуют предисловие О. Прицака (XI–XIV), список сокращений (XV–XVI) и обстоятельная статья самого Д. Островского (XVII–LXV), в которой излагаются принципы реконструкции ПВЛ и взгляды ученого на задачи и методы критики текста. Эта статья представляет собой сводную публикацию двух более ранних исследований автора (Ostrowski 1981₁; 1999). Второй том

---

*Работа над статьей завершена во время стажировки автора в Институте Славистики Венского Университета благодаря стипендии Австрийского фонда поддержки научных исследований (Fonds zur Förderung der wissenschaftlichen Forschungen, Lise-Meitner-Programm, Projekt Nummer M 819-G03).

содержит перевод английских текстов первого тома на украинский язык (LXXXV–CLXVI). В третьем томе наборный текст ПВЛ сопровождается факсимильным воспроизведением отдельных листов использованных рукописей (CLXXIV–CXCI). На этих листах расположены тексты, которые специально обсуждаются во вступительной статье Д. Островского².

В редакционном вступлении, помимо описания общих принципов отбора и публикации текстов в “Гарвардской библиотеке древней украинской письменности”, десятый том которой представлен рецензируемым изданием, указывается, что сочинения, изданные в Библиотеке и “written in <...> Church Slavonic, Old Rus’, Ruthenian (Middle Ukrainian), Polish, and Latin”, отражают “the cultural pluralism of Ukrainian intellectual activity in the medieval and early modern period” (IX). Столь широкий охват источников, несомненно, радует читателя, хотя обращает на себя внимание, что среди деятелей восточнославянской культуры (“cultural figures”), которые разделяли общую с украинцами “social, intellectual, and religious milieu” (IX), упомянуты только белорусы. Причина определенной дискриминации в отношении носителей третьего восточнославянского этнонима раскрывается ниже: “Appellations such as Rus’, Rusija, Rossija, Mala Rossija, Malaja Rossija, Malorussija, Ruthenija, Malorussijskaja Ukrajina, Ukrajina, and so on <...> have historically been used to designate Ukraine or its parts” (IX). Следовательно, по мнению авторов, русские города Владимир, Суздаль, Москва, Новгород исторически также представляют собой “Ukraine or its parts”. Читатель, желающий разрешить для себя этот географический парадокс, должен иметь в виду, что упомянутый выше “культурный плюрализм” отнесен самими авторами предисловия почему-то лишь к “medieval and early modern” периодам украинской истории.

В предисловии О. Прицака поставлена цель описать историю изданий и исследований ПВЛ в контексте украинской науки и культуры, которые в данном случае почему-то рассматриваются вне европейского контекста. В связи с этим компетентный читатель, возобновляя свое знакомство с историей вопроса, с удивлением не найдет в ней имени блестящего Августа Шлёцера, основоположника научной традиции исследования и реконструкции текста ПВЛ (Schlözer 1802–1809), не встретит он и Франца Миклошича (Miklosich 1860), равно как и других переводчиков и исследователей (см. библиографию³ в Творогов 1987₁), включая самого академика А. А. Шахматова (Шахматовъ 1916). Блестящее отсутствие А. Шлёцера, Ф. Миклошича, А. А. Шахматова особенно заметно на фоне таких медиевистов, как Иван Франко или Теофил Коструба. Вне сопоставления с трудами филологов

XIX в. остается неясным, какое же значение для науки имеет, например, подробно описанный труд “ведущего польского историка (Poland’s leading historian)” (XI) А. Белёвского, который в 1864 г. выступил редактором издания ПВЛ в первом томе серии “Monumenta Poloniae Historica”. (В качестве исполнителя проекта был приглашен украинский поэт-романтик и этнограф И. Н. Вагилевич.) Выбор ПВЛ для публикации в этой серии был обусловлен тем, что древнерусский свод, как разъясняет О. Прицак, представляет собой не что иное, как “a source, that contained important information for Polish medieval history” (XI)⁴. Среди исследований и изданий советского и постсоветского периодов О. Прицаком упомянуты лишь перевод части ПВЛ на украинский язык, выполненный В. Близнецом под редакцией Д. С. Лихачева “for Ukraine’s schoolchildren” (XIII) и переводы Л. Махновца и В. Яременко. Достоинства и недостатки трех переводов, равно как и методы реконструкции текста читателю не разъясняются. Правда, сказано, что издание В. Близнеца – Д. С. Лихачева “was hardly scholarly” (XII) и “highly problematic as a «Ukrainian» enterprise, given its intrinsic attempt to deemphasize Ukraine’s historical heritage within PVL” (XIII), зато перевод и комментарий В. Яременко, также не отличившиеся научностью, оказались “not scholarly, but rather patriotically edifying” (XIII). Заметим, что свойственный и тексту О. Прицака недостаток научности, возмещенный избытком патриотизма, выглядит не в пользу последнего.

Пристальное внимание к популярным изданиям, ориентированным на массовую аудиторию, вызвано отнюдь не стремлением оценить значимость ПВЛ для украинской культуры. О. Прицак, по-видимому, сознательно не желает считаться с существованием в советский период серьезной славистики и летописеведения на украинском языке, указывая, что украинистика была “suppressed or ignored throughout the Soviet period <... , while> Russian continued to serve as the only true language of scholarship under the Soviet; thus Ukrainian-language scholarship was accorded second class status” (XII). Невозможно поверить, что голос столицы Киевской Руси, звучавший в классических трудах Л. А. Булаховского, И. К. Белододеа, В. М. Русановского, В. В. Нимчука, не был услышан славистами, работавшими по другую сторону Атлантики, а прекрасное издание Киевских листков, подготовленное В. В. Нимчуком, действительно имеет в глазах медиевиста О. Прицака “second class status”⁵.

Досадно видеть академическую филологию, представленную в труде Д. Островского, под необычным конвоем текстов, которые трудно рассматривать как явление научное. Однако значимость работы, проделанной гарвардским славистом, мало страдает в тени такого со-

седства. Ценность издания обусловлена прежде всего полнотой представленного в нем рукописного материала, которая стала возможной благодаря особой эдиционной методике, обеспечивающей широкое, хотя и не исчерпывающее, знакомство с рукописной традицией ПВЛ, как ее видит Д. Островский. Текст ПВЛ опубликован по пяти спискам, которые представлены полностью: Лаврентьевский (Л), Радзивилловский (Р), Академический (А), И, Х. Помимо этого, для издания привлечены соответствующие Л, Р, А, И, Х отрывки (“corresponding passages” [XIX]) Троицкого списка (Т). Лакуны Х восполнены по списку Погодинскому (П). Кроме того, для отдельных частей текста ПВЛ привлекается Новгородская первая летопись (НПЛ) по изданию А. Н. Насонова (1950) (к сожалению, мотивация выбора того или иного отрывка НПЛ для воспроизведения в сводном издании отсутствует). Издание рукописей сопровождается реконструированными текстами ПВЛ, подготовленными академиками А. Ф. Бычковым, А. А. Шахматовым и Д. С. Лихачевым. Как результат критического осмысления рукописной и научной традиций в завершение дается реконструкция самого Д. Островского, названная им словом “paradosis”.

Примененный исследователем способ публикации источников и реконструированного текста отличается от того, который, как правило, применяется в славистической эдиционной практике. Издатель приводит не разночтения из упомянутых списков, а публикует весь текст полностью, строка под строкой, то есть: под первой строкой Л печатается не вторая строка той же рукописи, а соответствующая ей строка (или отрывок) Т, под ней – строка Р, затем – строка А и так далее. Таким образом, на одной странице издания Д. Островского уместается, как правило, от трех до пяти строк ПВЛ, как они представлены в разных рукописях (исключение составляет поучение Владимира Мономаха, сохранившееся только в Л, и заключительная часть статьи 1110 г., опубликованные по И, Х без реконструкции Д. Островского). Заслуга Д. Островского, таким образом, состоит в том, что его реконструкция не препятствует читателю самому судить о данных рукописей и оценивать достоверность восстановленного первоначального текста. В издании сохраняются все свидетельства памятников, включая грамматику и орфографию, которые содержат в себе драгоценные для историка языка детали. Этим труд американского слависта выгодно отличается от изданий А. Ф. Бычкова и Д. С. Лихачева (1999), которые опубликовали ПВЛ на основе Л, представив его в упрощенной орфографии и внося в текст рукописи значительное количество конъектур (до нескольких десятков в

пределах одной летописной статьи в издании Д. С. Лихачева, как подсчитал Д. Островский [XXIV]).

Для условного деления текста на строки используется издание Е. Ф. Карского (Л1): над каждым блоком из нескольких строк указаны номера столбца и строки издания Л1, справа же от текста обозначены номера листов рукописей, что без труда позволяет ориентироваться как в эдиционной, так и в рукописной традициях. Все тексты, кроме Т и НПЛ, публикуются не по наборным изданиям, а по фототипическому изданию (как Р) либо по микрофильмам. Это определяет еще одно очень важное достоинство издания Д. Островского: оно не только предлагает читателю заново выверенный по первоисточникам и поэтому более достоверный наборный текст ПВЛ во всех упомянутых летописях (кроме НПЛ и, разумеется, Т), но и содержит *editio princeps* ПВЛ по списку А, который ранее был доступен только в сводах разночтений⁶. “In this way, the present edition allows scholars to check all significant variants of any passage with relative ease and without having to have resource to several different editions <...> or access to the manuscripts themselves, or without having to depend upon the idiosyncracies of an editor who decides which readings to report⁷” (XVIII). Благодаря этому сводное издание Д. Островского является самым содержательным по фактическому материалу из всех имеющихся изданий ПВЛ.

Принципы передачи текста в издании Д. Островского по ряду признаков отличаются в лучшую сторону от тех, которые приняты в Л1, а особенно от других томов серии ПСРЛ, которой почему-то особенно свойственна тенденция к упрощению древнего письма. В отличие от подавляющего большинства советских и российских издателей древнерусского летописного наследия, Д. Островский не допускает почти никаких упрощений в орфографии и в графике, что позволяет составить более полное представление об источнике. В издании Д. Островского не передаются только надстрочные знаки, кроме титла (впрочем, титло в форме каморы над выносными буквами, “the *pokrytie*” [LXXVII], все же опущено), а также лигатурные написания, прокомментированные, в частности, в издании Е. Ф. Карского пометой “написано вязью” (Л1, *passim*), различия между “one-legged and three-legged t” (LXXVI) и “reverse *zelo* and forward *zelo*” (LXXVII). Излишним упрощением является передача *ѣ* и *є* (*e* “широкое”) как *ѣ*, хотя *ѣ* и *є* в Л являются разными графемами и обозначают, соответственно, <e> и <je>. В наборном тексте проведено деление на строки, чего нет в изданиях ПСРЛ. Это позволяет уловить одну графико-орфографическую особенность писцов списка Л: буквы гласных, написанные над строкой, являются не опиской, как можно было бы

заклЮчить по изданию Л1, а приемом письма, уже известным в других, более ранних, источниках (Гольшeнко 1982, 24, сноска 57): *ѡстр^о/вы* 3, 10⁸; *вар^а/зи* 4, 11; *жр^е/бѣи* 4, 18 и др. Исключения редки, например: /<г^о>рди 12, 7; *не хоже^{ше}* [так!] 13, 13.

Д. Островский использует прописные буквы только там, где в рукописи действительно встречаются буквы большего размера, как правило, написанные киноварью. Это позволило ему избежать одной распространенной в изданиях и в переводах ошибки прочтения короткого словосочетания в Молитве Владимира Мономаха: *ѡко бѣгъ / и члѣвколюбець* 256, 14 (Л1: *ѡко Бѣгъ и члѣвколюбець*). Так же, как Е. Ф. Карский, фразу прочитали А. Ф. Бычков и Д. С. Лихачев (их реконструкции здесь и далее цитируются по изданию Д. Островского): *ѡко Богъ* (у Д. С. Лихачева: *богъ*) и *человѣколюбець*. Между тем в тексте молитвы звучит распространенная богослужебная формула *ѡко благъ и чловѣколюбець*, входящая, например, в состав отпуста на литургии: “ѣко бл҃гѣѣ члѣвѣколюбець вѣснѣ еси Евх 63а 12” Ст. сл. 781, s. v. чловѣколюбець; ср. греч. ὡς ἀγαθὸς Θεὸς καὶ φιλόανθρωπος (Goar M.DCC.XXX, 68); вариант перевода: “ѣко милостивѣѣ члѣвѣколюбець вѣснѣ филантроπος Θεός Euch 8а 2 et 14а 9” SJS IV (1997), 877. Примером широкого распространения формулы *благъ и чловѣколюбець* может служить и цитата из одного из древнейших стихирарей: “ѡко ѣди/нѣ бл҃гѣѣ. и чловѣколюбець ∴ (ὡς μόνος ἀγαθὸς καὶ φιλόανθρωπος MR III, 42) Стихирарь XII в., 98об. Написание *бѣгъ* в Л является результатом описки. Наблюдаемое в списке Поучения Владимира Мономаха неразличение корней *бог-* и *благ-* в композитах можно заметить и в других источниках, например, в древнейшей служебной минее за август, датируемой XI–XII вв.: *ѡмоу/моудре* [так!] *прѣже* (θεόφρων πατριακάριστε MR VI, 483); *ѡблѣжне* (θεοπακάριστε MR VI, 494) (Москва, Российский государственный архив древних актов, ф. 381, № 125, лл. 80, 81об.). Добавим, что схожий пример, вызванный неразличением омонимов *Богъ* и *Богъ* (т. е. (Южный) Буг) находим в Поучении Владимира Мономаха: *и стародубу* [вместо *и-стародубу*] *идохо^м на шлга зане сѡ блше приложилъ./ к половце^м. и на бѣгъ Idaho^м с ѣтополко^м на бонѣка за рось.* 249, 33–35. В реконструкции А. Ф. Быčkова сочетание *на бѣгъ* передано как *на Богъ*, тогда как у Д. С. Лихачева выступает теоним *богъ*, хотя речь идет о реке Южный Буг, “ср. укр. *Бог* (Желех.), др.-русс. *Богъ*, польск. *Bóg, Buh*, русск. *Богъ* (еще в Путеш. Зосимы, XV в.)” (Фасмер I, 227).

На фоне стремления к точности в передаче графики и орфографии древнего источника бросается в глаза отсутствие специальных по-

мет, обозначающих ошибки писцов, поэтому для прояснения всякого загадочного написания приходится обращаться к изданиям ПСРЛ. В частности, в Л1, где описки также не всегда сопровождаются специальными пометами, к ним обязательно приводится правильный вариант по другому списку, например, в следующих ошибочных написаниях, переданных Д. Островским без комментариев: *въспитають* [так!] 16, 11; *мнѧ/стѧ* [так!] 15, 3 и др. Ошибочное написание зачастую передается Д. Островским в еще более искаженной форме: *какаи* [так!] 64, 2 (Л1: *какаи*, с подстрочным примечанием: “РА кажа, со слѣдующимъ и слѣдуетъ читать кажаи, какъ въ X и Новг.”); *къзеру* 142, 16 (Л1: *къ [w]зеру*). Если тексты всех рукописей публикуются полностью и при этом в издании отсутствует критический аппарат, то ошибки писцов нужно комментировать. Молчание издателя оставляет читателя в недоумении, кто же ошибся: писец, издатель или сам читатель не в состоянии понять текст. К сожалению, даже обращение к соответствующим текстам ПСРЛ не всегда помогает понять природу бессмысленного написания. Сравнение наборного текста Л в изданиях Д. Островского и Е. Ф. Карского (Л1) с первоисточником показывает, что имеющееся в рукописи ошибочное написание может быть передано Е. Ф. Карским в исправленном виде без комментариев, тогда как Д. Островский сохраняет ошибку писца, также не сопроводив ее никакими пометами, например (первое написание представлено в издании Д. Островского, второе – в Л1, третье – в рукописи Л2 или в фотокопии Р1): *варлгы* – *Варлгы* – *ВАРЛГЫ* [так!] 140, 20; *видѣвъ* – *видѣвъ* – *ВИДѢВЪ* [так!] 185, 4; *ѡеѡдорава* – *ѡеѡдорова* – *ѡЕѡДОРАВА* [так!] 239, 1; *стаиреишинѸ* – *стареишинѸ* – *СТАИРЕИШИНѸ* [так!] 38, 28. Возможна и обратная ситуация, то есть когда в Л1 содержится ошибочный наборный текст, правда, отсутствие обычного комментария все же дает основание угадывать здесь ошибку не писца, а издателя: *оу<шима>* – *оушюма* – *ОУШИМА!* (текст угасает) 63, 12; *щитъ* – *шитъ* – *ЩИТЪ* 54, 3; *вьшегоруду* – *Бышегоруду* – *ВЪШЕГОРУДУ* 60, 2; *пре^а* – *пре* – *ПРЕ^а* 173, 29; */Всеволодъ* – *Всеводъ* – */ВСЕВОЛОДЪ* 199, 17; *володимеръ* – *Вододимеръ* – *ВОЛОДИМЕРЪ* 220, 16; *то^же* – *то^же* – *ТО^жЕ* 281, 2; *хсмь* – *Хсмь* – *ХСМЬ* 138, 27; *влицѣ* – *Влицѣ* – *ВЛИЦѢ* 139, 9; *гь* – *Гь* – *ГЬ* 185, 10; *ги* – *Ги* – *ГИ* 207, 7 (то же: 233, 20); *гне* – *Гне* – *ГНЕ* 222, 15; *Гь* – *Гь* – *ГЬ* 223, 2; *е* – *е* – *Е* 236, 10 (то же: 268, 4); *прѣбнаго* – *прѣбнаго* – *ПРѢБНАГО* 240, 20; *чюна* – *чюна* – *ЧЮНА* 244, 12; *нбнѣи* – *нбнѣи* – *НБНѢИ* 252, 20. Наконец, в четырех случаях у Д. Островского содержится “исправленное” чтение, тогда как в Л1 и в рукописи – ошибка писца, не прокомментированная Е. Ф. Кар-

ским: *аколъдо* – *Аколъдо* – *аколъдо* 21, 3; *са подивуе/мы* – *са пови-дуе/мы* – *са повидуе/мы* [так!] 244, 25; *лю*^а – *ли*^а – *ли*^а [так!] 93, 9; *пррки* – *пррки* – *пррки* [так!] 102, 1; *црквную* – *црквную* – *црквнүю* 107, 15. Один раз Д. Островским “добавлена” пропущенная писцом буква, тогда как в Л1 эта самая недостающая буква помещена в квадратные скобки, что указывает на восстановление правильного чтения по другому источнику: *ме/чемъ* – *м[е]чемъ* – *м/чѣмъ* [так!] 82, 8.

В издании Д. Островского отсутствует и самый сжатый палеографический комментарий. Его заменяют квадратные и угловые скобки: [] и <>. В квадратных скобках отмечаются маргиналии, оставленные основными писцами, причем маргиналии, “that are obviously in a different hand we omit from the transcriptions without comment” (LXXVIII). В угловых скобках отмечается “any problematic material. This category includes illegibilities, physical damage to the manuscript, corrections, and text that has been crossed out” (LXXVIII). По-видимому, столь скупая характеристика палеографических особенностей является вынужденной мерой, так как словесный комментарий к пяти использованным рукописям мог бы потребовать отдельного, четвертого, тома. Как правило, отсутствие палеографического комментария в издании Д. Островского компенсируется обращением к ПСРЛ. Однако в ряде случаев “problematic material”, отмеченный Д. Островским, в ПСРЛ не прокомментирован, в частности, в издании Л1. Проверка по рукописи Л чтений, отмеченных Д. Островским как “problematic” и не разъясненных в Л1, дала следующие результаты (первое написание представлено в издании Д. Островского, второе – в Л1, третье, если оно есть, – в рукописи).

I. В первой группе приведены чтения, одинаково переданные издателями Л, но по-разному прокомментированные с точки зрения палеографии, причем текст, переданный Д. Островским в угловых скобках, затерт или угас. Такие примеры столь многочисленны, что ниже указаны лишь некоторые из них: *тавр<і>/ани* – *Тавріани* 3, 5; *анъдриѡ<киа>* – *Анъдриѡкиа* 3, 9; *х<иѡна>/лѣз<ово>на* – *Хиѡна Лѣзовона* 3, 11; *кефали<нѣа>* – *Кефалинѣа* 3, 12; *ст<раны>/* – *страны* 3, 13 и др.

II. Во второй группе находятся примеры, по-разному прокомментированные издателями, не читающиеся в рукописи без применения технических средств. По всей видимости, сопоставление изданий Д. Островского и Е. Ф. Карского отражает худшую сохранность рукописного текста Л в середине XX в., когда были сделаны микрофильмы, использовавшиеся Д. Островским, по сравнению с началом века, когда работал Е. Ф. Карский. В ряде случа-

ев текст, не прокомментированный Е. Ф. Карским и помеченный Д. Островским как “problematic”, сегодня не читается даже с лупой: <прасѣтѣнъ> – *Прасѣтѣнъ* (текст загрязнен, в рукописи не читается) 46, 26; *нако*<с>*ть* – *накость* (буква *с* затерта или выцвела) 51, 17; ꙗ̅.ѣ̅.<--> – ꙗ̅.ѣ̅.ог̅. (знаки в угловых скобках не читаются) 65, 6; <-->*коже* – *ѡкоже* (буква *ѡ* не читается) 79, 21; *т^е/бѣ.* – *т^обѣ* (в рукописи выносная буква не читается) 110, 16; <гр-->*лю* – [*греб*]лю (от букв *гр*(?) остались только нижние части мачт) 249, 16. В одном случае Д. Островским отмечено как “problematic” чтение, которое Е. Ф. Карский не смог увидеть вообще, заключив одну букву в квадратные скобки: *по т<о/му>* – *по т[о]му* 4, 9 (сейчас не читается невооруженным глазом целый слог *то*).

При всей своей малой лингвистической информативности примеры, приведенные в первой и второй группах, настораживают. Если академик Е. Ф. Карский не пренебрег в рассмотренных случаях обычным для его издания палеографическим комментарием или не допустил ошибок, можно заключить, что ценнейший памятник древнерусской письменности на протяжении прошедшего столетия претерпел заметные утраты текста, который, как кажется, продолжает угасать. В связи с этим издание Д. Островского, сопоставленное здесь с Л1, обращает наше внимание на необходимость качественного фототипического издания рукописи Л2, возможно, с применением современных технических средств.

III. В третьей группе приведены написания, чья сохранность также по-разному прокомментирована издателями Л и которые при этом по-разному ими прочитаны: <западн>*и* – *западн[ыѡ]* – *запад(ни?)* (угасший или затертый текст перед буквами *ни* почти не читается; “конецъ этого слова въ оригиналѣ оторванъ” [Л1 3, примеч. б]) 3, 2; *алма*/*<ти>ѡ* – *Алма/тиѡ* – *алма/тиѡ* (так, *ѡ*!) 3, 6; *галат*<ѣ. в> – *лех*<си/с>ѣ – *Галатѣ. Влехисѣ.* – *влехи/сѣ* (текст слегка затерт, но читается хорошо и доказывает правильность чтения Е. Ф. Карского) 3, 4; *ра^м.* – *ра^{мб}* – *рѡ* (возможно, *ѣ* выцвел) 24, 20; <ны/нѣ> – *ннѣ* – *н/нѣ* (так; рецензенту неясны основания для пометы чтения букв как “problematic”, текст сохранился хорошо, хотя титло, по видимому, все же угасло) 25, 11; *глиеть* – *гаиеть* – *г[л/а]шетъ* (текст в квадратных скобках, не прокомментированный ни одним издателем, угас настолько, что не позволяет уверенно прочесть букву) 63, 20; *ходихом*<ѣ в> *болгары* – *ходихом въ Болгары* – *ходихом* <?> *болгары*. (текст в угловых скобках не читается) 108, 9; *ѡцѣ/ство* – *ѡцѣство* – *ѡцѣ/ство* (титло почти полностью выцвело, находится

на загрязненной части листа) 112, 20; <->моченьга – с моченьга – <->моуеньга. 194, 7; <->ди – сди (буква с(?) выцвела) 274, 13; в<ь> – въ (возможно, левый горизонтальный штрих затерт из-за сморщившегося пергамена) 280, 25.

Самый яркий пример представляет собой следующий случай, который пришлось рассмотреть особенно тщательно⁹: *и/хже просимъ*. <[в издании пробел. – Р. К.] *учи*>мъ./ *будеть бо – ихже просимъ*. *не приемлемъ*. *будеть бо – и/хже просимъ*(ъ.) (ъ читается плохо; точка не читается; после ъ (?) текст полностью затерт или выцвел до знака, прочитанного Д. Островским как ѳ; уверенно распознать этот знак при нынешнем состоянии текста невозможно; буква ѳ не читается вообще; и различимо более или менее отчетливо) мъ 169, 9. Возникает недоумение, как удалось Е. Ф. Карскому прочесть фразу полностью, тем более что в издании ее сопровождает подстрочный комментарий: “Эти двѣ строки в Л почти изгладились” (Л1 169, примеч. в).

Отсутствие палеографического комментария в издании Д. Островского в ряде случаев может быть восполнено только при обращении к нескольким изданиям предшественников. Так, при сравнении текста Р в изданиях Д. Островского и Е. Ф. Карского (имеется в виду лакуна в Л, восполненная по Р), были выявлены три группы отличий, затрагивающих не только фонетику, но и морфологию (здесь и далее в ряду примеров первое написание отражает издание Д. Островского, второе – Л1, третье – фототипическое издание Р).

I. В целом ряде случаев в издании Л1 читается целый слог, тогда как у Д. Островского – только одна буква согласного: *стемі*^А. – *стемі*^А – *стемі*^А 31, 1; *пѡлго*^А – *пѡлго*^А – *пѡлго*^А 31, 9; *прѣд*^У – *прѣд*^У – *прѣд*^У 31, 11; *прѣ*^А – *прѣ*^А – *прѣ*^А 32, 14; *запѣ*^А. – *запѣ*^А. – *запѣ*^А 32, 22; *набе* – *набе*^А – *набе*^А 31, 29; *невѣглю*^А (так, с и!) – *невѣглю*^А (так, с ѳ) – *невѣглю*^А (почерком XVII в. ѳ исправлено на а) 32, 18; *му*^Ж – *моу*^Ж – *моу*^Ж (так, с диграфом!) 32, 24; *ме*^Ж – *ме*^Ж – *ме*^Ж 33, 9; *аще*^А – *аще*^У – *аще*^У 34, 23; *лю* [так!] – *лю*^Б – *лю*^Б 35, 3; *моу*^Ж – *моу*^Ж – *моу*^Ж 38, 2; *роу*^А – *Роу*^У – *роу*^У 38, 14; *негѡ*^Ж – *негѡ*^Ж – *негѡ*^Ж 38, 27; *жвъ* – *жвъ*^У – *жвъ*^У 39, 4; *чюсы* – *чюсы*^А – *чюсы*^А 42, 2; *воево*^А. – *воево*^А – *воево*^А 42, 18; *грамъ* – *грамъ*^А – *грамъ*^А 43, 2.

Различия в примерах группы I, отмеченные между двумя наборными изданиями, не могут быть разъяснены без обращения к изданию фототипическому, поскольку у обоих исследователей отсутствует какой-либо комментарий по поводу приведенных примеров. Дело в том, что во всех перечисленных случаях “лишние” буквы, имеющиеся

в Л1, отражают правку рукописного текста Р, которая была проведена, предположительно, в XVII в. (Лихачева 1994, 15). Неясно, почему такой лингвист и палеограф, как Е. Ф. Карский, не обратил на это внимание: всякий раз “лишняя” выносная буква написана другим, более поздним, почерком и другими чернилами¹⁰. При этом выносной букве и, отмеченной у Е. Ф. Карского, соответствует двойной наклонный штрих (см. Лихачева 1994, 15)¹¹. Следуя своему правилу не вводить в текст маргиналии, не принадлежащие руке основного писца (хотя в данном случае добавленные буквы, строго говоря, маргиналиями не являются), Д. Островский остается формально вне критики, однако подготовленный им наборный текст не становится от этого яснее в сопоставлении с изданием Л1, заставляя обращаться к фототипическому воспроизведению текста Р1 или к изданию Р2. Один раз на просмотренном отрывке Д. Островский почему-то отступил от своего принципа не передавать приписки, принадлежащие поздним писцам. В результате одно слово Р передано им как *му*^{*<и>} 32, 24, тогда как на фотокопии ясно видно, что это и необычной формы приписано теми же чернилами того же цвета, что и остальные поздние межстрочные добавления и исправления XVII в. Еще одно похожее нарушение эдиционных принципов допущено в следующем примере: *въ <в> /сторожѣ. – въ сторожѣ. – въ сторожѣ* 238, 9. Вторая буква *в*, согласно эдиционным принципам Д. Островского, не должна быть внесена в текст вообще, так как она написана между столбцами другим почерком и имеет меньший размер.

II. Немногим более корректно Д. Островским передан текст Р в следующих примерах, где также отмечаются расхождения с Л1: *в<о>стѣни – въстѣни – въстѣни* 39, 8; *победив<о> – побѣдивъ – побѣдивъ* 42, 8; в этих примерах буква *ѣ* исправлена из *о* правщиком XVII в.; *полт<ь>скъ – Полтѣскъ – полтѣскъ* 31, 7: *ѣ* исправлен из *ь* также в XVII в., в Л1 правка не прокомментирована. Угловые скобки, которые применил в данном случае Д. Островский и которые могут означать “any problematic material”, в том числе поврежденный или исправленный текст, в сопоставлении с изданием Л1 оставляют читателя в недоумении, что же в данном случае имеет место: поврежденный текст, который два исследователя прочитали по-разному, или же правка? И если правка, то что правилось и как? К сожалению, ни одно из двух изданий не дает ответа на эти вопросы, которые разрешаются только при обращении к фототипическому воспроизведению текста в Р1 или к изданию Р2.

III. В пяти случаях на просмотренном отрывке (Л1, 28–43) Д. Островским допущена ошибка, вызванная неразличением выносной

буквы ъ и надстрочного знака (как было сказано, диакритика, кроме титла, Д. Островским не передается): *с сими* – *с̣̇ сими* – *с̣̇̇ сими* 29, 26; *створи̇* – *с̣̇твори̇* – *с̣̇̇твори̇* 35, 2; *волхвовъ* – *вол̣̇хвовъ* – *вол̣̇̇хвовъ* 38, 18; *волсви* – *вол̣̇сви* – *вол̣̇̇сви* 39, 3; *из* – *из̣̇* – *из̣̇̇* 39, 23. Хотя выносной ъ действительно напоминает в перечисленных примерах паерок, и Е. Ф. Карский, и О. П. Лихачева (P1) читают этот знак как ъ, причем современный основному почерку. Графическая особенность, связанная с таким особым написанием ъ, в изданиях Л1 и P1 не прокомментирована. Как следует читать этот знак, остается все же не вполне ясным, поскольку издание P2, в подготовке которого также принимала участие О. П. Лихачева, не отражает надстрочные знаки, а интересующие нас слова переданы без выносной буквы ъ. По всей видимости, издатели сочли ее на этот раз паерком (такая “мелочь”, как известно, зачастую не заслуживает внимания издателя – историка и текстолога).

Еще раз укажем, что примеры из последних трех групп были отобраны только из части P, опубликованной Е. Ф. Карским в его издании Л (Л1, 28–43). Тем не менее они хорошо показывают, что наборные издания Д. Островского, Л1 и P2 не дают должного представления о графических, орфографических, фонетических и отчасти морфологических особенностях рукописи. Издатель, обращающийся к тексту с почти двухвековой исследовательской традицией, обязан был найти способ разъяснить читателю, почему его чтение расходится с чтением предшественников, тем более что сами эти предшественники иногда не согласны между собой. Заинтересованный же читатель, желающий получить адекватное представление о написании отдельных слов, должен по-прежнему обращаться к фототипическому изданию.

В связи с темой ошибок в изданиях летописей обратим внимание на замечание Д. Островского, что “the published versions of the PVL < . . . > contain numerous errors < . . . > in representing the manuscripts” (XVIII). К сожалению, это интересное наблюдение не подтверждено примерами, которые необходимы тем более, что в приведенных выше примерах расхождений с изданием Л1 иногда оказывался прав Е. Ф. Карский. Кроме того, издание Д. Островского, как уже было сказано, не заменяет соответствующие части ПСРЛ уже хотя бы потому, что в наборном тексте применена рубрикация, основанная на Л1. Расхождения между наборным текстом Д. Островского и текстами ПСРЛ не комментируются, поэтому читателю придется гадать, кто же был прав. Что касается И, то относительно ее издания имеется авторитетное свидетельство А. И. Соболевского, что “<п>ечатные издания

Ипат. списка, какъ 1-ое (въ «Полнѣ. Собр. р. лѣтописей»), такъ и 2-ое не отличаются достаточною точностию и не вполне годны для лингвиста» (Соболевскій 1884, 65). Казалось бы, такое авторитетное заключение А. И. Соболевского заставляет нас доверять Д. Островскому. И все же для того, чтобы проверить утверждение американского слависта о “многочисленных ошибках” и, в свою очередь, оценить достоверность его собственного издания, мной были сопоставлены тексты Л, подготовленные Д. Островским и Е. Ф. Карским (Л1). Полученные расхождения были затем уточнены по рукописи (Л2). Насколько мне известно, после публикации краткого списка исправленных ошибок в издании Е. Ф. Карского, составленного им самим (Л1, 578–579), ни у кого, кроме Д. Островского, не возникало сомнений в достоверности наборного текста Л, опубликованного в первом томе ПСРЛ. Приведенный ниже список исправлений получен после однократного параллельного чтения изданий Д. Островского и Е. Ф. Карского, поэтому я не рискую утверждать, что мной были выявлены все ошибки. В приведенных ниже примерах первое чтение принадлежит Д. Островскому, второе – Е. Ф. Карскому, третье находится в рукописи; ошибки, исправленные Е. Ф. Карским, не воспроизводятся. Для удобства чтения ошибки разделены на группы.

I. К первой группе относятся примеры, касающиеся наличия или отсутствия в издании внутрискочных точек и титла над буквенной цифирью. Изобилие расхождений быстро заставило прекратить обращать на них внимание, хотя складывается впечатление, что Е. Ф. Карский был более аккуратен в обозначении этих наименее информативных написаний: *гапиронья*. / – *Гапиронья* – *гапиронья*/ (три последние буквы сильно затерты) 3, 8; *полопонисъ*. – *Полопонисъ* – *полопонисъ* 3, 7; *словѣнескъ ѿ* – *словѣнескъ*. ѿ – *словѣнескъ*. ѿ 5, 21; *корсунь*. – *Корсунь* – *корсунь* 8, 1; *ѣ.мѣи.* – *ѣ.мѣи.* – *ѣ.мѣи.* 18, 6; *пѣ*. – *пѣ*. – *пѣ*. 18, 20; *ѣ.ѣ.ѣ.ѣ.* – *ѣ.ѣ.ѣ.ѣ.* – *ѣ.ѣ.ѣ.ѣ.* 18, 25; *ѣ.ѣ.ѣ.ѣ.* – *ѣ.ѣ.ѣ.ѣ.* – *ѣ.ѣ.ѣ.ѣ.* 19, 12; *въ лѣ^m*. – *въ лѣ^m* – *въ лѣ^r* 22, 14; *ѣ.т.ѣи.* – *ѣ.т.ѣи.* – *ѣ.т.ѣи.* 25, 2; *ѣ.т.ѣѣ.* – *ѣ.т.ѣѣ.* – *ѣ.т.ѣѣ.* 25, 3; *сеи* – *сеи*. – *сен*. 53, 12; *.<ѣ.и>*. – *.ѣ.и.* – *.ѣ.и.* 87, 24; *оумѣше* – *оумѣше*. – *оумѣше* 89, 23; *днѣ* – *днѣ*. – *днѣ* 93, 7; *сестреници* – *сестреници*. – *сестреници*./ 93, 20; *и бы* – *и бы*. – *и бы* 94, 12; *валу* – *Валу*. – *валу*. 97, 28; *дни* – *дни*. – *дни*. 128, 3 и др.

II. Ко второй группе относятся более существенные “разногласия”, разрешающиеся в пользу Д. Островского:

1) пропущенные или лишние союзы и частицы: *доще/дишо же ему* – *дощедишо ему* – *доще/дишо* [так!] *же емѣ* 21, 12; *и вои/ну* – *и и воину*

– и во/ин҃у 53, 11; *д̄ха. разидоша сѧ* – *Д̄ха. и разидошасѧ* – *д̄ха. разидошасѧ*. 104, 17; *азгулуи. и инѣхъ* – *Азгулуи. инѣхъ* – *азгүлүни. и инѣхъ* 250, 38; *и тлѧ. и грѣха* – *и тлѧ. грѣха* – *и тлѧ. и грѣха* 255, 28;

2) искажение словоформ и их фонемного состава, отражение фонологических нейтрализаций; передача **ъ, ъ**: *зовему* – *зовемую* – *зовемү* (край листа загрязнен и оторван, следующая после знака **v** буква, если она есть, не читается невооруженным глазом; палеографический комментарий в обоих изданиях отсутствует) 2, 11; *ноугородьци* – *ноугородьци* – *ноугро/родьци* 11, 6; *ѡ моисѣа* – *ѡ моисета* – *ѡ моисѣа* 17, 20; *зовутсѧ* – *зѡвутсѧ* – *зо/вүтсѧ* 19, 22; *приде* – *прииде* – *приде* 21, 11; *словѣньску* – *Словеньску* – *словѣньскү* 25, 18; *сфандрѣ* – *сфандрѣ* – *сфандрѣ* 46, 26; *возмутъ* – *возьмутъ* – *возмүтъ* 48, 28 (то же: 51, 27); *оукраденое* – *оукраденное* – *оүкраденное* 50, 12; *скъру* – *скъру* – *скърү* 62, 29; *в помоуць* – *въ помощь* – *в помоуць* 63, 1; *бѣлу вежю* – *Бѣлу Вѣжу* – *бѣлү вежю* 65, 10; *измаиломъ* – *измаиломъ* – *измаиломъ* 93, 3; *разъгнѣвасѧ* – *разъгнѣвасѧ* – *разъгнѣвасѧ* 97, 2; (*посадиша ю*) *в* – *въ* – *в* 111, 3; *иженѣвсѧ* – *иженѣвѣсѧ* – *иженѣвсѧ* 116, 4; *в наши* – *въ наши* – *в наши* 122, 26; *с масы* – *съ масы* – *с масы* 123, 13; *людьскы* – *людьскы* – *людьскы* 124, 24; *къ глѣбу* – *к Глѣбу* – *къ глѣбү* 135, 29; *взиде* – *взыде* – *взиде* 144, 11; *писыцѣ* – *писыцѣ* – *писыцѣ* 152, 1; *бы.* – *бѣ.* – *бы.* 164, 20; *въ сижѣ* – *в си же* – *в си/ же* 164, 13; *въи/маста* – *въишмаста* – *въи/маста* [так!] 175, 14; *велаце* – *велаце* – *велаце* 180, 4; *вспаць* – *въспаць* – *вспаць* 204, 16; *помысѣ/ломъ* – *помысломъ* – *помысѣ/ломъ* 214, 8; *в мечтѣ* – *въ мечтѣ* – *в мечтѣ* 214, 26; *пред* – *предѣ* – *пред* 220, 5; *встави/тъ* – *въставитъ* – *встави/тъ* 224, 13; *пойди* – *пойду* – *пойди* 229, 26; *в земли* – *въ земли* – *в земли* 230, 25; *ѡтуду* – *ѡтуда* – *ѡтүдү* 237, 17; *Ѡеѡдорова* – *Ѡеѡдора* – *Ѡеѡдорова* 238, 30; *мстислав* – *мстиславъ* – *мстислав* 240, 18; *теле/си* – *тѣлеси* – *теле/си* 242, 37; *тѣмъ* – *тѣмъ* – *тѣмъ* 245, 16; *в томъ* – *в томъ* – *в томъ* 246, 33; *с (половци)* – *съ* – *с* 249, 10; *не погуби* – *не погү/би*¹² 252, 34; *дѣла* – *дела* – *дѣла* 254, 26; *прииметь* – *приметь* – *приметь* 260, 3; *ропла/кавъ сѧ* – *расплакавъсѧ* – *ропла/кавъсѧ* 264, 7; *инѣ/ же* – *инѣ же* – *инѣ/ же* 268, 13; *преступи* – *приступи* – *престоупи* 270, 4;

3) обозначение титла, букв под титлом и выносных букв: *крѣнмъ* – *крѣнмъ* – *крѣнмъ* 21, 16; *црѣтовати* – *црѣтовати* – *црѣтовати* 22, 5; *стѣо* – *сѣтѣо* – *стѣо* (титло не читается!) 23, 21; *епѣа* – *епѣа* – *епѣа* 28, 2; *апѣа* – *апѣа* – *апѣа* 28, 4; *мѣа* – *мѣа* – *мѣа* 28, 8; *мѣа* – *мѣа* –

– словѣни 25, 16; бѣхо^а – бѣхѡ – бѣхѡ^а 236, 16; жр^е/биш – жр^ебѣи – жѣ/вѣи 5, 1; асколдъ – Асколдъ – асколд<ъ> (буква ѣ читается плохо, однако это никак не отмечено издателями) 21, 10; волох1/ – Волх1 – волх1 25, 16; в них же – в нихъже – в нихъже 52, 8; преклюкала – пр^еклякала – пр^еклякала 61, 22; въ русь – в Русь – в рѣсь 73, 26; црк^а – црк^а^б – црк^а^б 114, 15; вставъ – въставъ – въставъ 114, 19; ѡлександрьскии – ѡлександрьскии – ѡлександрьскии 115, 17; въ исповѣданьем – въ исповѣданье – въ исповѣданье 119, 24; сихъ – сихъ – снхъ [так!] 141, 25; поа семь – Посемь – По семь 171, 27; в/ безднѣ – въ безднѣ – въ/ безднѣ 177, 8; въздержанье – вздержанье – вздержанье 185, 14; бѣлогордъскымъ – Бѣлогородъскымъ – бѣлогородъскымъ 208, 1; ученъ/е – оученье – оученьѣ 213, 5; звѣрь – звѣрь – зѣвѣрь 247, 11; правимъ – правимъ – правимъ 262, 14;

2) обозначение титула, букв под титулом и выносных букв: <хамовы^а> / – хамовы^а – хамовы^а 4, 16; стославѣ/ – Стѡславѣ – стѡславѣ/ 18, 19; м^а/хаила – Михаила – мн/хаила 21, 11; смр^{ти} – смр^{ти} – смр/ти 24, 4; оуча<ть>/ – оучат^ь. – оучат^ь./ 26, 12; цр^ь/ – цр^ь^а – цр^ь^а 27, 7; хенъ – хѣанъ – хѣанъ 50, 16; по/ла – п/сла – п/сла 56, 1; вѣ<си> – вѣс^ь – вѣс^ь 61, 21; крети^а сѣ – кр^{ти} сѣ – кр^{ти} сѣ 63, 6; рускѣ/ – Рускѣ. – рѣскѣ. 70, 13; стославъ – Стѡславъ – стѡславъ 72, 25; видѣ^х/ – видѣ^х – видѣ^х/ 75, 3; прѣ^и – прѣ^и – прѣ^и 112, 19; про/славлаху – пр^славлаху – пр^с/славлаху 115, 24; прогоним – прогонѣ – прогонѣ 118, 3; ѡцю – ѡцю – ѡцю 164, 4; еп^имъ – еп^имъ – еп^имъ 208, 2; бѣ – Бѣ – вѣ 212, 22 (то же: 226, 1); члѣколю/бью – члѣколюбью – члѣколю/бью 224, 21;

3) смешение графем – функциональных эквивалентов, а также ѡ – ѡ, ѣ – ѣ; начертание киноарных букв: уже – оуже – оуже 56, 7; блѣ<внѣ>/ – блѣвнѣ – блѣвнѣ/ 61, 26; жѣ/ – жѣ – жѣ/ 82, 28; топнша – Топнша – Топнша 95, 15; володи/меръ – Володимеръ – володѣ/меръ 101, 25; лѣ^а ѡни – лѣ^а. ѡни – лѣ^а. ѡни 102, 23; повелѣ – Повелѣ – Повелѣ 104, 9; на – На – На 114, 4; сборъ – Сборъ – Сборъ 114, 7 (то же: 114, 9); мужа – Мужа – Мужа 116, 24; при/стави – прѣстави – прѣ/стави 116, 24; грѣ. – Грѣ. – Грѣ. 125, 9; и – И – И 125, 10; в – В – В 128, 18; что – Что – Что 128, 26; срѣцѣ/ – срѣцѣ – срѣцѣ/ 138, 10; мьстии – Мьстии – Мьстии 146, 3; постиже – Постиге – Постиге 146, 18; а – А – А 165, 16; бѣсовское – бѣсовское – бѣсовское 175, 4; втайнѣ// – втайнѣ – втайнѣ (конец столбца, а не листа) 190, 3; ему – ѣмоу 192, 24; епѣти – ѣпѣти – ѣпѣти 211, 14; учнѣкъ – оучнѣкъ – оучнѣкъ 213, 7; ученю – оученю – оученью 213, 26; у гроба – оу гроба

– оу гроба 216, 18; *тортъмени* – *Тортъмени* – *Тортъмени* 234, 5; *ѡлегъ* – *Ѡлегъ*. – *ѡлегъ* 238, 16; *ѡдолѣвши* – *Ѡдолѣвши* – *Ѡдолѣвши* 252, 14; *ѡплеваньє* – *Ѡплеваньє* – *Ѡплеваньє* 253, 10; <ѡ>же – *Ѡже* – *Ѡже* (текст хорошо читается невооруженным глазом) 255, 3; <ѡ>чи – *Ѡчи* – *Ѡчи* 255, 23.

IV. Наконец, последнюю группу образуют совсем немногочисленные расхождения, где ошиблись оба исследователя: *ржѡа хѡа* – *ржѡа Хѡа* – *ржѡа хѡа* 18, 8; *в<->зѡвратишас.* – *возѡвратишас*[.] – *в<а>зѡвратишас.* 22, 2–3; буква *а* размыта, но отчетливо видна наклонная правая мачта и левая дуга; очевидно, что перед нами один из древнейших случаев аканья, редких в XIV в., которых, кажется, не отмечалось в Л¹³ (Соболевский 1907, 76–77); *см^мрь* – *см^рь* – *см^рь* 46, 6; *а<п^л>||* – *ап^лъ* – *ап^лъ* 83, 18; *и* – *и* – *и* (ѡ/ѡгитгеса) 120, 7; *погынуа^м*. – *погынуша.* – *погынуш^а*. [так!] 131, 11; *стополкъ* – *Св^тополкъ* – *С^тополкъ* 132, 2; *блг<ѡ>/а* – *бл^гньа* – *бл^г[ѡ?]/а* 157, 11. В двух словах между изданиями Д. Островского и Л1 было отмечено по два расхождения, причем в одном из них ошибка допущена Д. Островским, в другом – Е. Ф. Карским: *высокооу/мъемь* – *высокоумъемь* – *высокооу/мъемь* 139, 19; *согражаеми* – *с^гража^еми* – *согража^еми* 172, 26.

В завершение приведем расхождения между изданиями Д. Островского и Л1 в отрывке из Р, опубликованном Е. Ф. Карским для восполнения лакуны в Л. Почему-то именно на этом малом отрезке концентрация ошибок, причем достаточно существенных, оказалась особенно велика.

Текст, правильно переданный Д. Островским: *роую* – *Роу^ю* – *роу^ю* 28, 13; *заповѣда* – *заповѣда* – *заповѣда* 31, 3; *побѣдѡ* – *побѣдѡ* – *побѣдѡ* 32, 10; *звѣзда* – *звѣзда* – *звѣзда* 32, 22; *роую* – *Роу^ю* – *роу^ю* 32, 25; *известити* – *извѣстити* – *извѣстити* 33, 14; *въ вса* – *во вса* – *въ вса* 34, 5; *да оумреть* – *и да оумреть* – *да оумреть* 34, 20; *въ гре/кы* – *в Грекы* – *въ гре/кы* 36, 22; *поимѡ/ть* – *поимуть* – *поимѡ/ть* 36, 28; *возметъ* – *возьметъ* – *возметъ* 37, 4; *крѣмъ* – *крѣмъ* – *крѣмъ* 37, 17; *неистов* – *неистовъ* – *неистов* 40, 27; *пррѣтвоваше* – *пррѣтвоваше* – *пррѣтвоваше* 41, 11; *свидѣтельствоеть* – *свидѣтельствѡ^е* – *свидѣтельствѡ^е* 41, 15; *разоумѡвающ^и* – *разоумѡвающ^и* – *разоумѡвающ^и* 41, 24.

Текст, правильно переданный Е. Ф. Карским: *ѡщиши* – *ѡщиши* – *ѡщиши* 32, 17; *бѡдоу^м* – *бѡдоу^м* – *бѡдоу^м* 36, 17; *имѣние* – *имѣние* – *имѣние* 37, 3; *посмеаса* – *посмѣаса* – *посмѣаса* 39, 1; *побежение* – *побѣжение* – *побѣжение* 40, 19; *члѡко/мъ* – *члѡко/мъ* – *члѡко/мъ* 41, 24¹⁴.

Приведенных выше примеров достаточно, чтобы прийти к печальным выводам. Оба издания ПВЛ по списку Л, подготовленные Е. Ф. Карским и Д. Островским, претендуют на высокий уровень точности в передаче графико-орфографических, фонологических и морфологических особенностей древнего текста. Д. Островский прямо обозначил одну из задач своего издания как “reducing normalization to a minimum so as to more accurately represent the orthography of the manuscripts” (XVIII). Однако сравнение наборных текстов показало, что ни один из ученых не смог достичь искомой акрибии, а значит, ни одно издание не выполнило поставленной перед ним задачи точного воспроизведения рукописи. Более того, количество отмеченных в издании Л1 ошибок заставляет признать, что издание ПВЛ, подготовленное академиком Е. Ф. Карским, является лингвистически не достоверным. Издание же Д. Островского, разумеется, более качественно в этом отношении, но – увы! – наблюдение о “numerous mistakes” в летописях, изданных советскими и российскими исследователями, в полной мере применимо и к труду гарвардского коллеги. Ситуация с рецензируемым изданием отчасти поправима: список исправлений, разумеется, более полный, чем приведенный в рецензии, основанный на повторном чтении всех наборных текстов, мог бы быть опубликован в интернете на сайте <http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/pvl> (см. примеч. 2), либо в возможном электронном издании на CD-ROM'e. Оба способа исправления ошибок указаны самим Д. Островским (LXXIX).

Обратимся к некоторым другим особенностям передачи древнерусского текста в рецензируемом издании. Издатель напрасно отказывается от обозначения ассимиляции на стыке предлога и существительного, причем лексемы в составе единого фонетического слова передаются то слитно, то раздельно: *при ра/клии* 11, 21 (в Л1: *пр-Иаклии*); *беццисла* 117, 22; но *бе щцисла* 130, 26 и др. Между тем обозначение ассимиляций необходимо, поскольку в сочетании с предлогом *из* может возникать двусмысленное написание: *и сего* (*и-сего* или *и сего?*) 96, 20; *и землѣ* 165, 22 (*и-землѣ* или *и землѣ?*); *и стародуба/* 231, 6 (*и стародуба* или *и-стародуба?*); *и заморья* 76, 2 (*и заморья* или *и-заморья?*) и др. В описании принципов передачи текста указывается, что этимологическая частица *же* в составе относительных местоимений *нже*, *таже*, *еже*, наречия *такоже* и отрицательных наречия *никакоже* и местоимений *никтоже*, *ниутьоже* передается слитно (LXXVIII). “Conversely, it is separated from preceding pronouns and adverbs when it functions emphatically rather than relatively. These decisions, particularly for adverbs, are somewhat subjective” (ibid.). Субъективный фактор,

о котором идет речь в последней фразе, в ряде случаев может быть оправдан. Укажем на один случай, в котором Д. Островский передает **же** отдельно и в котором оправдывается выбранная эдиционная методика, позволяющая зримо сопоставить данные разных списков: *а вѣтко сѣдѣ съ родомъ свои/мъ по ѡцѣ. ѿ него же* [в Р, А, И **же** опущено] *прозвашасѣ вѣтчи* Л 12, 22; <...> *отъ него прозъвашасѣ Вѣтчи* (реконструкция, далее: Ostr.). Так же был прочитан текст Л. Мюллером: “Vjátko aber siedelte mit seiner Sippe an der Oká; von ihm nannten sie sich Vjatičen” (Müller 2001, 12).

Однако иногда сомнения в способе передачи **же** неуместны и можно легко заметить ошибку. Рассмотрим один пример: *Бѣ бо единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣне, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прѣиша Угъри, и Морава и Чеси и Ляхове и Поляне, яже ныне зовома Русь* 25, 26–28 Ostr. Слитного написания **же** требует логическая последовательность местоименно-соотнесительных предложений, характеризующих славян, составлявших *единъ языкъ*. Введение во фразу самостоятельного предложения, синтаксически не подчиненного главному *Бѣ бо единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣне ... и Морава и Чеси и Ляхове и Поляне*, нарушает эту логическую последовательность. В подтверждение предложенного прочтения обратимся к переводу Л. Мюллера: “über welche die Ungarn [die Herrschaft] erlangen” (Müller 2001, 26).

Если выбор слитного или раздельного написания **же** с местоимениями может быть связан с неопределенностью логических отношений между частями высказывания, то написания отрицательных местоименных наречий и местоимений типа *наколи же* 38, 22; *никто же* 154, 13 и подобных им явно ошибочны, более того, они противоречат сформулированным самим же Д. Островским эдиционным принципам. Неясно, чем вызвана различная передача **же** в тексте рукописей (*в неи же* 153, 8; *да же* 78, 29; *ѡта же* 138, 13; *дондѣ же* 196, 16 и др.) и в Ostr.: *в неиже, даже, ѡтаже, дондеже* и др. Ничем нельзя объяснить следующие случаи, где местоимение **се** с частицей **же** употреблено в тождественной синтаксической функции, однако в наборном тексте представлено по-разному, причем даже в одной строке: *в сеже лѣто* 214, 17; *В се же лѣто* 214, 14; *в сеже лѣто : / В се же лѣто ...* 214, 22. Один раз отмечена форма *моѡгоже* (!) 237, 5.

Не отличается последовательностью написание глаголов с **сѣ**, при этом Д. Островский по-разному передает эту частицу в наборном тексте сохранившихся публикуемых летописей (слитно в контактной постпозиции к глаголу) и в реконструированном тексте (раздельно в той же позиции). “The reasoning is that when the manuscript

copies were made (fourteenth through sixteenth centuries), this particle was most likely considered a part of the preceding verb, whereas in the early twelfth century it most likely was not" (LXXVIII). Неясно, эволюция каких грамматических категорий позволила исследователю сделать такие наблюдения. Если имелось в виду развитие пассива как залоговой категории, то Д. Островский, скорее всего ("most likely"), прав, поскольку "роль рефлексивов как пассивных опозитов транзитивных глаголов возрастает" "в течение средне- и новорусского периодов" (Крысько 1997, 376). Если же рассматривать частицу **сѧ** как словообразовательный аффикс рефлексивов не только с пассивным значением, выразитель "первоначально чисто словообразовательных отношений, исконно не зависевших ни от формы глагола <...>, ни от его семантики <...>, ни от синтаксических свойств" (Крысько 1997, 377), то оснований для отдельной передачи **сѧ** нет. Недостаточное теоретическое осмысление вопроса Д. Островским заметно и в некоторых ошибках прочтения. В словосочетании *и съступнишиа ся битъ* Ostr. 65, 8 частица **сѧ** передана правильно благодаря разобранному выше эдиционному принципу. Однако в передаче текста рукописей словоделение неверно: *съступнишасѧ битъ* И, *състѣнишасѧ бити* А. (В остальных рукописях употреблено **с** выносное, типа *съ/ступнишѧ битъ* Л.) Исследователь не увидел, что **сѧ** относится к обоим глаголам, в связи с чем частица должна быть написана раздельно. В одном случае неправильно была определена лексема, к которой относится **сѧ**, находящееся на самом деле в препозиции к глаголу: *и не имѣцимсѧ вмѣстити* Л 158, 10 (А: *вместити*); ср.: *не можемъ сѧ вмѣсти/ти* Л 158, 13.

Среди случаев более удачного словоделения по сравнению с изданием Л1 укажем на чтение *оуводы* во фразе *и брака оу нихъ не быва/ше. но оумыкиваху оуводы двѣѧ* Л 13, 18–19 (а не *оу воды*, как у Е. Ф. Карского или в реконструкции Д. С. Лихачева), "где фактически речь идет не об *умыкивании оу воды* (т. е. *от воды*), а об *уводах* (творительный падеж множественного числа *оуводы* от существительного мужского рода *оуводъ*), попавшей в приблизительном прочтении во многие пособия о жизни старого славянства типа книги Любора Нидерле «Славянские древности» (Москва, 1956, 186) без каких-либо сомнений в корректности традиционного прочтения. <...> Слово *оуводъ* отсутствует в словоуказателе" (Добродомов 2002, 5; примеч. 2) О. В. Творогова (1984). Л. Мюллер правильно перевел это *уводы* как "im Brautraub" (Müller 2001, 12).

Хуже удалось Д. Островскому справиться со словосочетанием *ѡб и конѣ мѣданы* Л 116, 16. Здесь *и* является не союзом, а окончани-

ем числительного *чьтыри*. Однако Е. Ф. Карский передал это сочетание еще хуже: *·ѣ· иконѣ* (так, с флексией мягкой разновидности!), сопроводив его примечанием: “РА кони”. Существование “четырёх медных икон” не вызвало сомнений у О. В. Творогова (1984, 65), поместившего слово *икона* на соответствующей позиции (“л. 40об.”) в словоуказателе. Вообще, тема *коней* и *икон*, кажется, является одной из болезненных для издателей древнерусских текстов. Так, в издании Усп. сб. XII–XIII вв. имеется фраза: *ѡт таковыиѡхъ не разумѣша ни слышаша. из начала бо по хѣѣ на нѣса възнесени. и коньскыи образъ оустави сѧ и написа сѧ* 251 (144г16-17). Форма *коньскыи* заняла надлежащую алфавитную позицию в словоуказателе (Усп. сб., 592). Разумеется, речь здесь идет об образе *иконьскомъ*, т. е. иконном¹⁵. Эта ошибка ускользнула от внимания даже в высшей степени компетентного В. Хока, который в составленном им пространном перечне ошибок издания Усп. сб. указал лишь, что форма *конь/скыи* в указателе имеет неправильную отсылку: 144г15-16 вместо должного 144г16-17 (Носк 1986, 132).

К сожалению, в издании много случаев ошибочного словоделения, выявляющих плохое знакомство Д. Островского с современной историко-лексикографической и историко-лексикологической практикой. Глагол *мимоити*, хотя один раз и передан правильно: *вѣтхата мимоидоша* 99, 19 (цитата из Ис. 42:9, греч.: ἦκασι, здесь: ‘сбылось’), в одном примере представлен неверно: *вѣтхата ми/мо идоша* 120, 17–18 (цитата из 2Кор. 5, 17: τὰ ἀρχαία παρήλθεν). Во всех реконструкциях, кроме Ostr., *мимоити* передано слитно, что соответствует и современной лексикографической практике: в славянских исторических словарях композиты с *ми.мо* = рассматриваются как одно слово (SJS II, 210–212; Ст.Сл. 327; СДРЯ IV, 535–536; Сл. РЯ XI–XVII вв. 9, 158–161). Схожая ошибка допущена и в передаче прилагательного *пѣрно сыи* 112, 11 ‘присносущий’ (см.: SJS III, 306; Ст.Сл. 510–511, s. v. *присносѣ*). Не получили в издании должного осмысления и формы с *не-*, часто необоснованно переданные отдельно, причем во многих случаях отсутствует единообразие в передаче приставки *не-* в одной и той же лексеме, по-разному переданной в Ostr. и в наборных текстах рукописей: *не имовѣ* 34, 23–24 (однако 34, 18: *неимовитѣ*), *не роженѣ* Ostr 112, 11 (тексты рукописей: *нероженѣ*); *не вѣдущѣ* Ostr 116, 17 (тексты рукописей: *невѣдущѣ*); *не брежашѣ* 194, 18; (*а ли вы сѧ начнетѣ*) *не мочи* 245, 12–13 и др. Обоснования для слитного написания перечисленных форм находятся в семантике соответствующих лексем, описанных А. Н. Шаламовой в Сл. РЯ XI–XVII вв. 11 (s. vv.). Лексема *неблагодарумнѣ* (в издании: *не /блгоразумна* 80, 23), отсут-

ствующая в Сл. РЯ XI–XVII вв., представлена в СДРЯ V, 227 также цитатой из Л¹⁶, которую можно усилить указанием на библейский источник (Притч. 5:6). Греческая параллель (цитируется по LXX) указывает на неверно понятый или сознательно отредактированный славянский текст: *οφάλεραι δε αἱ τροχιαὶ αὐτῆς καὶ οὐκ εὐγνώστοι* ‘неустойчивы пути ее [злой жены] и непонятны’, в Л: *блуднаѣ же теченьѣ еѣ не / бл̑горазумна* 80, 23. Семантика прилагательного *небл̑горазумна* требует слитной передачи *не-* (кроме того, греческое словообразование не допускает употребления приставки *α(v)* перед *ευ-*, в связи с чем была выбрана частица *οὐκ*), поэтому введение соответствующей лексемы в СДРЯ полностью обосновано. Это решение согласуется с переводом Л. Мюллера, который, правда, передал семантику не славянского слова, а греческого: “ihr unzüchtiger Lauf ist unverständlich” (Müller 2001, 98).

В рецензируемом издании неверно понята фраза договора с греками 945 г.: *порты в нихъ же* [так, вместо *в нихъже!*] *ходить*. / *да и то с него снати. а ѡпроцѣ да на роту ходи/ть. по своѣи вѣрѣ. ꙗко не имѣѣа ничтоже*. 52, 9 (предлог *ѡ* передан слитно с последующим субстантивированным прилагательным в наборных текстах всех рукописей и в Ostr.). Значения наречия и предлога *опроче* (*опрочь*, *опроцѣ*; см.: Сл. РЯ XI–XVII вв. 13, 51; СДРЯ VI, 147) ‘особо, отдельно; без, кроме; вне, за пределами’ не дают основания для такого словоделения, пример из ПВЛ не внесен в словарные статьи. Согласно установленной в договоре правовой норме, за удар мечем, копьем или иным орудием полагался штраф в пять литр серебра. В случае отсутствия необходимых средств виновный должен был отдать все, что у него есть, включая *порты в нихъже ходить*, а об отсутствии *прочей* недостающей суммы должен был принести присягу (см. Сл. РЯ XI–XVII вв. 22, 221, сочетание *ити (ходити) ротѣ (на роту) s. v. рота*¹). См. перевод Л. Мюллера: “aber über das Übrige soll er schwören nach seinem Glauben, daß er nicht [weiter] besitzt” (Müller 2001, 63).

Нельзя согласиться со слитным написанием формы *тоже* во фразе: *аще ты крѣстиши ся, вси имуть тоже творити* Ostr. 63, 25–26 (Л1: *то же*). Здесь Д. Островский следует за реконструкциями А. Ф. Бычкова, А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева, хотя стоило бы принять во внимание словоделение Е. Ф. Карского. В случае, если читать *то же* как союз, глагол *сътворити* лишается обязательного объекта. Поскольку *сътворити* невозможен в абсолютном употреблении, сочетание *то же* следует читать как местоимение с усилительной частицей; ср. у Л. Мюллера: “Wenn du dich taufen lässest, so werden alle das gleiche tun” (Müller 2001, 78).

На грани полного непонимания лексики и морфологии находятся формы, переданные Д. Островским так: *ѡбъсю* Л, *ѡбсю* А, *ѡбъсюду* И, *ѡбсюдѡ* Р; *ѡсветъ* 148, 28 (Л1: *ѡ светъ*, с подстрочным примечанием: “Р свѣта, А свѣтѣ”); *дане/гли* 222, 12 (вместо *да не/гли*). Возможно, причиной появления перечисленных ошибок стала нехватка как минимум еще одного корректурного чтения. Однако представим себе, что упомянутые случаи неверного словоделения попадут в словоуказатели, базы данных или иные системы обработки текстов. В этом случае исказятся некоторые лексические, грамматические и синтаксические явления, и какие еще “конские образы” или “медные иконы” предстанут тогда нашим удивленным взорам?

Большое значение в рецензируемом издании придается истории текста ПВЛ и методам его критики. Этому посвящена обстоятельная вступительная статья, которая представляет собой, строго говоря, самостоятельное серьезное исследование, претендующее на глубокие методологические обобщения и фактические находки. В своем исследовании Д. Островский попытался критически осмыслить опыт российской дореволюционной, советской и российской постсоветской текстологической науки в сопоставлении с достижениями западноевропейской критики текста (в видении Д. Островского). На основании этого осмысления создана новая стемма сохранившихся списков. Исходя из этой стеммы Д. Островским и предложена реконструкция текста ПВЛ.

Для Д. Островского принципиально важно разграничить понятия “критика текста (textual criticism)” и “текстология (textology)”. Первое он считает принадлежностью западноевропейской филологии, второе – науки российской дореволюционной, советской и российской постсоветской (“Russian imperial, Soviet, and post-Soviet”, XLV). Самым существенным в понятии критики текста, согласно Д. Островскому, является стемма, отражающая родственные отношения между сохранившимися списками. Основанием для установления родства являются общие значимые чтения (significant readings). Стемма понимается как результат критического осмысления разночтений и как средство реконструкции архетипа. Такой метод работы с текстом назван Д. Островским генеалогическим методом (genealogical method), его появление и развитие в Западной Европе связано, как утверждает Д. Островский, с эпохой Ренессанса. Д. Островским перечислены такие принципы традиционной критики текста, как *lectio brevior potior*, *lectio difficilior praevallet*, принцип возможной ошибки в архетипе, принцип общих чтений рукописей, происходящих из разных аре-

алов (XLVII–XLVIII). Текстологическая концепция, к которой присоединяется Д. Островский, хорошо известна славистам во многом благодаря классической работе Д. С. Лихачева (2001). Похоже, что именно с книги Д. С. Лихачева (2001) началось знакомство Д. Островского с “критикой текста”: американский славист среди прочих рассматривает те же исследования, которые разобраны Д. С. Лихачевым, и даже иногда приводит те же самые цитаты (XXVII; Лихачев 2001, 25; ссылка на: Clark 1914, 21). Текстологии в понимании Д. С. Лихачева, по мнению Д. Островского, и противопоставлена “западная” критика текста. К сожалению, ни один из контраргументов Д. С. Лихачева, направленных в адрес “критики текста”, как ее видит Д. Островский, не опровергнут. В частности, общее место о малой вероятности дихотомических, или двучленных (парноветвистых), стемм, преобладающих над всеми прочими, Д. Островским объясняется так: “The prevalence of the two-branch stemma may lie in the fact, that a stemma is a hypothetical construct. <...> In other words, the Greek sigla of a stemma do not necessarily represent lost copies, but instead may represent hypothetical stages in the transmission of the main text” (XXIX). Это разъяснение вызывает закономерный вопрос: если стемма является лишь “гипотетическим построением”, то есть научной абстракцией, то почему вдруг на основе этой абстракции становится возможным реконструировать текст? Каким образом стемма меняет свой статус, превращаясь из абстракции в живую реальность?

Содержание понятия “текстология” согласно Д. С. Лихачеву не раскрыто Д. Островским. История этой науки в России (и в СССР) представлена как прямое продолжение методов книжной справы XVII в.: “Clerics in the Printing Office thus established de facto standard of uniformity that prevailed in Russian textual work, initially in the editing of religious texts for publication, then in scholarly publications as well <...>. A manuscript with a full text, nicely written, preferably from Moscow (the center of Orthodoxy, from their point of view [чьей? – Р. К.]) was usually the basis for publication. Russian scholars, in turn, developed a tradition of arguing in favor of the primacy of Muscovite copies over these from outlying areas and for accepting the readings of manuscripts with fuller texts” (L–LI). В чем же, по мнению Д. Островского, причина столь бедственного состояния невежественной российской науки в течение вот уже двух столетий? Отсутствие традиций ренессансного гуманизма, библейской критики (ведь первая полная Библия появилась на Руси только в 1499 г.), переводов Аристотеля до XVIII в. (XLVIII–XLIX) – все это привело к тому, что “<a>nistematic <...> was accepted without question in Russia

during the Soviet period, most likely because no tradition of stemmatics existed in Russia in the first place” (ЛП).

Нетрудно заметить, что Д. Островский подменяет историю науки памфлетом. Выбранный жанр позволяет ему игнорировать реальную историю понятия “текстология” и его содержание. Слово “текстология” впервые прозвучало отнюдь не в XVII в. на Московском печатном дворе, оно родилось в 1928 г. под пером Б. В. Томашевского (1959, *passim*), во многом разделявшего тогда взгляды русской формальной школы. Как известно, формалисты рассматривали текст как саморазвивающуюся систему, которая проживает определенную биографию: сначала в набросках и черновиках, затем в печатных редакциях и, наконец, в восприятии читателей. В контексте этих взглядов “Б. В. Томашевский был одним из первых, кто подчеркнул новые задачи, стоящие перед текстологией, – необходимость внимательно изучать историю текста” (Лихачев 2001, 31, примечание 2). Основной целью текстологии стало поэтому не установление архетипа, очищенного от ошибок, а изучение причин и закономерностей изменения содержания текста (Лихачев 2001, 29–61).

Не увидев главного в текстологии, Д. Островский полагает, что российская наука обрекла себя на одиночество в своих средневековых заблуждениях. Отчасти такая точка зрения связана с процитированной им формулой ритуального характера, принадлежащей Д. С. Лихачеву, что советская текстология занимает “first place in the world” (XLV). Эмоциональная реакция на это почти обязательное для советских лет, но ни к чему не обязывающее высказывание не позволила Д. Островскому трезво оценить реальную историю и взаимодействие научных идей: “Western works on the text criticism make little mention of Russian or Ukrainian work in the field, seemingly unaware of textology’s first place position” (XLVI). Разумеется, в западноевропейских исследованиях по западноевропейской литературе работы советских и российских текстологов могли и не учитываться (*russica non leguntur*), однако мысли, родственные идеям, развитым в монографии Д. С. Лихачева, высказывались (Алексеев 2001, 701, примечание 2: [литература]; 2003). Более того, по наблюдению А. А. Алексеева (2001, 701, примечание 2), “смещение интересов текстологии от реконструкции архетипа к истории текста приобрело сегодня общий характер, так что, по меткому замечанию Курта Троя, «das 19. Jahrhundert war das Jahrhundert der Textkritik, das 20. ist das Jahrhundert der Textgeschichte» (*K. Treu. Überlieferung- und Editionsprobleme der Patristik // Svensk exegetik årsbok. 1969. Vol. XXXIV. S. 186*)” (Алексеев 2001, 701, примечание 2). В свою очередь И. Н. Данилевский (2004, 50–53) обратил внимание на

близость филологической текстологии и французской постструктуралистской генетической школы (занимающейся, правда, литературой нового времени): “Ее предмет – литературные рукописи, в той мере, в какой они содержат следы развития, становления текста <...>. Ее цель – описать литературу как делание, деятельность, движение” (Генетическая критика 1999, 33; ср.: Genette 1989, 368). При общих подходах к истории текста неслучайны терминологические совпадения: согласно Д. С. Лихачеву, редакции текста суть “результат сознательной, целеустремленной деятельности” (Лихачев 2001, 22–23; в двух последних цитатах разрядка моя. – Р. К.).

Смещение внимания с установления подлинности текста на его историю, изучение текста как процесса, становления от многообразия взаимодействующих редакций к устойчивому типу отчетливо прослеживается и в работах чикагской текстологической школы библеистики. Согласно Э. Колуэллу, предметом изучения должны стать содержание разночтений и причины их появления, поскольку “[t]he historical data contained in these variant readings may be of value for the understanding of the contemporary culture or theological fashion” (Colwell 1969, 6; см. также: Riddle 1936; Parvis 1952). Изменяясь в контексте разных эпох и культур, “[t]he «Texts» are now seen to be a process, gradual in achieving a high degree of distinctiveness and uniformity” (Colwell 1969, 15; passim).

Упомянутые исследования показывают, что описанное Д. Островским противопоставление текстологии и критики текста на деле является не свидетельством невежества замкнутой среды, отделяющей себя от просвещенного научного сообщества, а проявлением двух принципиально различных подходов к изменениям текста во времени. При этом содержательный, исторический подход свойствен отнюдь не только и даже не столько российской филологии. Противопоставление критики текста и текстологии сопоставимо с тем, как “еще Ф. Шлейермахер сформулировал принцип строгого разделения *герменевтики* (искусства правильно понимать текст в его герменевтическом и психологическом истолковании) и *критики* (критического изучения вопросов подлинности источника по преимуществу)” (Данилевский 2004, 41). Отделение науки “Russian imperial, Soviet and post-Soviet” от науки западноевропейской ничем не оправдано, так как в области текстологии как истории текста ясно виден единый научный контекст¹⁷. Содержательная глубина термина “текстология” способствовала его проникновению в язык западноевропейской славистики, применение филологических методов текстологии приводит к выработке таких стемм, которые отражают не “абстракцию”, а реальные этапы изменения текста, и в которых нет последовательного разде-

ления ветвей на пары, но заполнены промежуточные звенья, представленные реальными списками (см. Reinhart 2000).

Сознательно или несознательно отказываясь от проникновения в смысл разысканий российских историков текста ПВЛ, Д. Островский никак не разъясняет выявленные А. А. Шахматовым и вошедшие во все учебники различия между списками НПЛ, отражающими Начальный свод, или первую редакцию ПВЛ (отсутствие договоров с греками, цитат из Хроники Гергия Амартола и др.), от списков второй редакции. Сделать это было тем более необходимо, что при различии между списками групп ЛТРА и ИХ свидетельства НПЛ приобретают особенный вес. К сожалению, ее данные Д. Островский вообще не учитывает в процессе критики текста, считая их вторичными по отношению к ветви ИХ. В этом видится прямое нарушение его же собственного эдиционного принципа “consulting all the chronicles and manuscript copies that testify to readings in the *PVL*” (XVIII).

Среди пропусков в библиографии нужно снова указать на отсутствие А. Шлёцера, в чем Д. Островский следует за О. Прицаком. Другие пробелы касаются, в частности, незамеченных статей А. А. Гиппиуса (1988; 1993/2000), посвященных происхождению названия ПВЛ, учтена лишь соответствующая работа Г. Ланта, который позже независимо от А. А. Гиппиуса пришел к тем же выводам (Lunt 1997). Выражая сомнения в авторстве Нестора, Д. Островский со ссылкой на О. В. Творогова (1987₁) пишет, что “<an> interpolation in the title of the sixteenth-century Khlebnikov copy has led to a popular notion that Nestor was the name of that monk and that he had completed a now-lost first redaction of the complete text” (XVII–XVIII), доказывая затем без ссылок на предшественников, что “<t>he word «Нестера» was added in Kh [список X. – Р. К.], and thus cannot be used as evidence for the name of the compiler of the *PVL*” (LXI). Между тем “<c>омнения в принадлежности Н. – агиографу ПВЛ – [тире в изд.! – Р. К.] были высказаны уже в начале XIX в.” (Творогов 1987₁, 276). Далее, Д. Островский считает, что “the Nupatian line has been almost totally eliminated from editions of the *PVL*” (LIV), не зная, что ПВЛ по списку И была недавно издана О. В. Твороговым (БЛДР1 62–315, 487–524). Рецензируемое издание, датированное 2003 г., на деле отражает историю исследований и изданий русских летописей до 2000 г.: в нем не отражены фундаментальный труд Л. Мюллера (Müller 2001) и сжатая, но содержательная статья А. Г. Боброва (2001), гораздо полнее представляющая историю вопроса, чем это сделано во вступительных статьях Д. Островского и тем более О. Прицака.

Что касается предложенной Д. Островским стеммы и генеалогии списков ЛТРАИХ, то и она уже подверглась критике по следам названных выше публикаций (Ostrowski 1981; 1999). Опубликованная в общедоступном международном издании статья (Гиппиус 2002) не нашла отражения в теоретической части рецензируемого издания, хотя она фактически лишает оснований стемму Д. Островского и построенную на ней реконструкцию первоначального текста ПВЛ. В ней доказано, что совпадение Л с неродственной НПЛ восходит к протографу; совпадение Л с НК может иметь как первичный, так и вторичный характер; при испорченных чтениях Л и ИХ и правильном НК (за которой стоят Софийская первая и Новгородская четвертая летописи) последняя восходит к протографу; что РА имеют контаминированный характер и связаны с ИХ (Гиппиус 2002, 79–87). В свете этих выводов реконструкция ПВЛ должна быть пересмотрена с учетом всей сохранившейся древнейшей рукописной традиции, включая не только НПЛ, но и Софийскую первую, Новгородскую четвертую летописи (Гиппиус 2002; литература) и недавно изданную НК. Правда, в этом случае Д. Островскому придется отказаться от предложенной им дихотомической стеммы. Пока остается лишь признать, что исследовательская часть издания Д. Островского и основанная на ней реконструкция устарели уже к моменту выхода в свет. К сожалению, пока нет надежды, что теоретические взгляды исследователя и восстановленный им текст ПВЛ претерпят какие-либо существенные изменения: список из шести (!) незначительных исправлений к реконструкции, опубликованный Д. Островским в интернете (<http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/pvl/pvlchanges.pdf>) после выхода в свет печатной версии издания, не несет следов знакомства с критикой и новейшей историей вопроса.

Помимо недостаточно обоснованной теоретической части, касающейся приемов отбора первоначального чтения из имеющихся вариантов, реконструкцию Д. Островского отличает невнимание к истории языка. В издании поставлена задача передать текст в соответствии с состоянием древнерусского языка в начале XII в. (LX), то есть с раннедревнерусским периодом до падения еров. Однако задача эта решена неудачно, так как в тексте оказалось довольно много форм, невозможных в XII в.: *льсцаху* (!) 76, 29; *сѣдьло* (буква **ѣ** могла появиться только как результат утраты противопоставления *e-ê*) 64, 29; *убистводѣица* 15, 6 (форма отражает утрату *i* в сочетании *iji*, происшедшую после падения редуцированных); *загрести* (вместо *загрети*) 197, 8; *почьтилъ* (форма отражает упрощение группы согласных, возникшей после утраты слабо-

го редуцированного) 225, 18; *оу таль* (вместо *въ*, форма, введенная в Ostr. из И, отражает переход *v* в *й* перед согласным, ставший возможным после падения редуцированных) 227, 6; *в онъ же* 216, 4 (то же в Л1; неправильное словоделение отражает вокализацию сильного редуцированного в исконном сочетании *въ ньже*); *в онже* 89, 1 (неправильное словоделение отражает вокализацию сильного редуцированного и утрату слабого в исконном сочетании *въ ньже*); (*Вьшата, сынъ*) *Остромиръ*, (*воеводы Новгородского*) 163, 25 (форма отражает невозможное в начале XII в. отвердение древнерусского исконно палатального *r'* или является опечаткой?); *здѣ* 6, 2 (форма отражает ассимиляцию по звонкости согласного, ставшую возможной после падения редуцированных; то же: 9, 12; 13, 1 и далее, при последовательном употреблении корня *кѣнѣз-* с ъ); *Грьцьскомь* 17, 29, *приидохъ* 265, 8; *выстѣбѣ* [так!] 275, 27; *половцькыѣ* 284, 2; *списа надѣщице* [так!] 40, 8 (текст рукописей передан так: *списа наѣщице* Р; *списа наѣщици* А) и мн. др. Следующие формы отражают развитие сочетаний *ки, ги, хи*, распространившихся после падения редуцированных и формирования корреляции по твердости–мягкости: *въ Грьки* 7, 2; *на убогия* 199, 26; *кыевьскимъ* 23, 4; *Агляньски* 4, 10 и др. К ошибочным реконструкциям относится регулярное написание исконно безъерových приставок на *з-* с ером, в чем Д. Островский напрасно следует за А. А. Шахматовым: *изъгнаша* 19, 14; *изъ заморья* 76, 2; *безъ* 85, 7; *разъврати* 115, 26; *изъ* 206, 10; *расъсѣя* 5, 11; *изъгнаша* 19, 14 и др. В результате орфография реконструированного Д. Островским текста оказалась еще более эклектичной и противоречивой, чем орфография в реконструкции Д. С. Лихачева (1999).

Невнимание к истории языка привело и к ошибкам прочтения текста ПВЛ. В словосочетании *сѣде своимъ родѣмъ* 12, 21, реконструированном по И, в результате утраты слабого редуцированного произошла ассимиляция двух *с* в сочетании *сѣ своимъ (ср.: *сѣ де съ родомъ свои/мъ* Л), однако стемма заставляет Д. Островского внести чтение И в реконструкцию без изменений. Согласно стемме, Д. Островский реконструирует нигде не засвидетельствованную форму пом. sg. этнонима *Вься* (?!) 20, 1 “весь”. Это чтение в рукописях на самом деле является формой пом. plur. местоимения *вьсь*, на которое и был заменен исконный омонимичный этноним *вьсь*. В нарушение синтаксических и логических связей в реконструкцию попала фраза “и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань льгьку 24, 9–10”. Хотя сочетание *на нь* засвидетельствовано в Л, Т, Р, А, следовать в данном случае нужно было за Х, который единственный сохраняет исконное сочетание *на на*. Столь же бессмысленно с точки зрения

грамматики сочетание *събраста воя мьногъ* 150, 4, которое представляет собой контаминацию реально засвидетельствованных чтений: *собраста вои мьногъ* Л и *собраста воа мьногы* И, Х (с незначительными орфографическими вариациями). Форма *въиде* 142, 23 выглядит вполне закономерной с точки зрения созданной Д. Островским стеммы, однако она невозможна в XII в., когда должно было быть *въниде* (Р, А: *вниде*) (см. Крысько 2002, 597). Выбор инновации вопреки более древнему варианту мы видим в случаях с игнорированием форм имперфекта и плюсквамперфекта, образованных от основы *буд-*: *събывашеть ся* 190, 8 (*сбудашетсѧ* Л); *бляше* 12, 3 (*будаше* Л); *ольны вложити* 194, 23 (И, Х: *вложити будаше*). Следуя ложной логике стеммы, Д. Островский регулярно отказывается в реконструкции от архаичного дательного или местного беспредложного в пользу более нового предложно-именного сочетания: *къ Царюграду* 10, 3 (Л: *црюгороду*); *въ Новѣгородѣ* 20, 16 (то же: 21, 6; Т: *новѣгородѣ*); *въ Полотьскѣ* 20, 17 (Л: *Полотьски* [так!]). Отказ от более древнего варианта в пользу инновации прослеживается и в области лексики. Это касается регулярного выбора лексемы *посълъ* вопреки архаичному *сълъ* Л (198, 21; 218, 8; 236, 26; 237, 28; 274, 17). Согласно Сл. РЯ XI–XVII вв. (17, 205), лексема *посълъ* в значениях ‘посланец, гонец; доверенное лицо, посол, дипломатический представитель’ не отмечена в памятниках ранее XIII в., более древней лексемой, обозначающей соответствующую реалию, является *сълъ* (см. Сл. РЯ XI–XVII вв. 26, 125¹⁸). К числу обновленных чтений, неоправданно внесенных в реконструкцию, относится *мытель* 8, 22 в легенде о посещении ап. Андреем Новгорода (см. обоснование: LIX). Однако первичность чтения *квасъ усняныи* доказана, его замена на нейтральное *мытель* связана с редактурой, ослабляющей комизм эпизода (Гиппиус 2002, 88–89), и с непониманием устаревшей уже к XIII в. реалии (Молдован 2002).

Примененный Д. Островским способ издания текстов позволяет зримо представить динамику языковых изменений и характер редакционной правки, однако исследователь не пользуется этим преимуществом своего издания или же просто не видит его. Ограничившись перечисленными выше примерами, заметим, что стемма вообще не имеет никакого значения для реконструкции текста, если разночтения отражают противопоставление древней и новой грамматических форм или лексем или разъяснение реалий, устаревших и поэтому неясных писцу. В этом состоит еще одно свидетельство “внеисторичности” метода критики текста, как его понимает Д. Островский. Неслучайно в справочно-библиографическом аппарате его вступи-

тельной статьи отсутствуют ссылки на славянские исторические словари и исследования по исторической грамматике и лексикологии.

Обратим внимание и на то, что в ряде реконструированных фраз нарушены логические и грамматические связи, имеющиеся в рукописях, из-за чего без труда устанавливаемый смысл засвидетельствованных чтений теряется: *И удължишиа ся остояче въ градъ* Ostr. 127, 18 (ср.: *и / оудолжисѧ ѡстоѧ в городѣ* Л; *и / оудолжишиа ѡстоѧ* ^{ра} Р (то же А); *и оудолжишиасѧ ѡстоѧче/ въ* [так! – Р. К.] *гра^о люди* И; *и оудлѣжишиа^с ѡстоѧчи въ градѣ лю^о* Х). Следующий пример представляет собой неоправданную контаминацию чтений разных списков, в результате чего нарушилось согласование в числе между подлежащим и сказуемым: *и отѣтолѣ начашиа ся* [plur.] *манастырь* [sg.] *Печерскыи* Ostr. 159, 6 (ср.: *и ѡтолѣ почашиа печерскыи/ манастырь* Л; *ѡтолѣ поча печерскыи монастырь* Р; *ѡтолѣ почасѧ печерскыи манастырь* А; *и ѡтолѣ начашиа зва/ти манастырь. печерскыи* И, Х [с незначительными вариантами в написании]). Контаминацию всех чтений представляет собой и реконструкция *яко Богъ казнить рабы своя напастыми и ратными* 233, 9 (в списках с незначительными орфографическими колебаниями представлены чтения *напастми / ратными* [Л] или *напастыми и ратыми* [А, И, Х; в Р пропущен союз *и*]). В описании новгородской бани в качестве равно возможных вариантов предложены словосочетания *начьнуть биють ся* или *начьнуть хвостатися* 8, 23. Первый вариант невозможен, так как глагол *начьти* в качестве управляемого слова требует инфинитива глагола совершенного вида.

Наконец, в ряде случаев современная пунктуация, введенная в реконструированный текст, выявляет непонимание Д. Островским древнерусской фразы (если, конечно, и здесь перед нами не результат небрежности или плохо вычитанной корректуры): *О семь. Аще кѣто* 35, 10 (ср.: Р1: *ѡ сѣ. аще кто ѡ хрѣтанъ или ѡ роуѣ мѣуеньѧ ѡвразѣ искоуѣ творити. и насилье*). В следующем примере точка указывает на непонимание лексикализованной формы винительного перечислительного *първое* ‘сначала’, которая относится к глаголу *придоша*: *и придоша къ Словѣномъ. Първое и сърубшиа городъ Ладогу* 20, 5.

К сожалению, примеры лингвистических ошибок в реконструкции можно было бы продолжить, однако это требует долгого и однообразного труда, выходящего за рамки научного жанра рецензии. Красноречиво характеризуя “творческую лабораторию” Д. Островского, такие ошибки неинтересны с точки зрения истории языка и текста ПВЛ. Их краткий обзор заставляет признать, что теория и

практика “критики текста”, которые нашли отражение в рецензируемом издании, являются самой слабой его частью. В качестве же обобщающего вывода можно повторить наблюдение, сделанное в начале рецензии, что главным, определяющим, но, как мы теперь видим, и единственным достоинством издания Д. Островского является самый полный на сегодняшний день свод эмпирических данных о тексте ПВЛ, которые, правда, в отдельных случаях требуют критического осмысления. Таким образом, в лучшей части своего труда Д. Островский представил именно тот “тип издания, который выработался и нашел свои устойчивые формы в русле текстологии Д. С. Лихачева” и который можно назвать “историческим. Его пафос заключен в строго позитивистском представлении наличного рукописного материала, расположенного в исторической последовательности” (Алексеев 2003, 57). Своеобразным достоинством работы является и то, что издание Д. Островского заставляет переосмыслить весь предыдущий опыт издания русских летописей и определить задачи на будущее: очевидно, что образцовое научное издание ПВЛ еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При ссылках на английские тексты в скобках указываются страницы первого тома.
- ² Наборный текст ПВЛ, исследовательская часть, написанная Д. Островским, справочный аппарат издания и несколько исправлений к реконструкции (последние доступны только в электронной версии) опубликованы в интернете (десять файлов с расширением pdf): <http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/pvl>. К сожалению, поисковая система программы Acrobat Reader® при работе с электронной версией летописного текста не действует.
- ³ Труд Ф. Миклошича (Miklosich 1860) не нашел отражения и в библиографии к статье О. В. Творогова (1987₁).
- ⁴ Издание А. Белёвского – И. Н. Вагилевича получило прохладную оценку Д. Островского: “Vahylevych created a composite text without providing the principles for his editorial decisions. He reported readings sparsely and not in any systematic way” (XXII).
- ⁵ Слово в оправдание перед украинскими коллегами, О. Прицак пишет: “This is not to say that there were no Ukrainian scholars involved in textological studies and preparing manuscripts for publications or study. <...>The names of Mykola Gudzii, Serhii Buhoslavs'kyi, Anton Hens'ors'kyi, not to mention Mykhailo S. Hrushevs'kyi come to mind. Regardless of their efforts, the centers of imperial Russian and Soviet scholarship in this area remained outside of Ukraine” (XII, f. 8). (Думается, что концентрация научных усилий по исследованию славянского рукописного наследия в Москве и Ленинграде была вызвана не требованиями “имперской” идеологии, которая проявлялась отнюдь не в этом, а местами хранения рукописей.) В приведенной цитате обращает на себя внимание особое написание имен исследователей, что противоречит формам, принятым в справочно-библиографическом аппарате рецензируемого издания. В исследовании Д. Островского и в библиографии к его исследованию используются формы “S. A. Bugoslavskii” и “N. K. Gudzii”; форма “S. O. Buhoslavs'kyi” указана однажды в квадратных скобках (LXVI) – как вариант в пределах нормы? Один раз в библиографии употреблена форма “Kostomarov N. I. [M. I.]” (LXVIII), правда, неясно, почему, по аналогии с вариантом [S. O. Buhoslavs'kyi],

отсутствует вариант “Kostomariiv”. Обращает на себя внимание и необычная инновация *Kyivan*, которая регулярно употребляется в предисловии О. Прицака, вопреки нормативному *Kievan* (последняя форма используется в исследовании Д. Островского (LXX), вопреки используемой им же форме *Kyiv* (XVII, XXXIII)). Употребление форм *Kyivan*, *Kyiv* является нарушением одного из требований “Гарвардской библиотеки древнеукраинской письменности”, согласно которому только те “place-names are given in accordance with the official language of the state” (IX), для которых не существует “established English forms” (IX). Русисту трудно поверить, что для названия столицы Древней Руси и современной Украины в английском языке действительно не существует установившейся литературной нормы. Путаница в передаче названий украинских городов достигает апогея в библиографических ссылках на издание ПВЛ в серии “Monumenta Poloniae Historica”, где в качестве места издания указаны два разных города, но для одного из них приведены два варианта названия, а для другого – один: “Lviv [Lwów]” [XI], “Kraków” [XXII]. Что же все-таки значит на титульном листе издания и какая существует “established English form” для передачи нужного топонима?

⁶ Значительная часть X, содержащая Галицко-Волынскую летопись, недавно издана под редакцией М. Ф. Котляра (2002). К сожалению, его издание не успело попасть в библиографию Д. Островского: судя по дате под предисловием О. Прицака, работа над рецензируемым изданием была завершена в июле 2001 г.

⁷ Д. Островский специально обращает внимание, что “Ludolf Müller’s *Handbuch zur Nestorchronik* points out thousands of readings (many of them significant) in the three witnesses Karskii used that were either not reported or reported incorrectly” (XXV).

⁸ Здесь и далее при цитировании ПВЛ цифры до запятой указывают страницу, а цифры после запятой – строку в издании Е. Ф. Карского. Такой способ рубрикации текста используется самим Д. Островским.

⁹ Пользуюсь случаем выразить свою признательность Т. В. Рождественской, которая по просьбе рецензента любезно согласилась еще раз внимательно изучить данную фразу.

¹⁰ Заметим, что в издании P1 буквы, приписанные над строкой более поздним почерком, внесены в основной текст, однако всякий раз они сопровождаются необходимым примечанием.

¹¹ Согласно принципам издания наборного текста P1, исправления, «внесенные в XVII веке (?), вносятся <...> в текст; исправленные буквы подчеркиваются» (Лихачева 1994, 15). Однако в издании подчеркнутых букв или слов нет, вместо этого используется красный цвет.

¹² Едва ли не самое значимое разногласие, существенно влияющее на понимание смысла обращения старшего сына Владимира Мономаха, Мстислава, к отцу с призывом о мире между ним и Олегом Святославичем: *а рѹсьскыѣ зѣмли не погѹ/вѣи*. Отметим, что в новейших российских изданиях Послания Владимира Мономаха Олегу Святославичу и в немецком переводе Л. Мюллера текст передан правильно (Понырко 1992, 45; БЛДР 1, 472 [подготовка текста О. В. Творогова]; Müller 2001, 360).

¹³ Приведенный выше пример *ѡсидорова* [так!], ошибочно переданный Е. Ф. Карским как *ѡсидорова* 239, 1, можно объяснить как опisku под влиянием буквы гласной последующего слога.

¹⁴ Из рассмотрения исключены случаи корректорского брака, когда вместо знака конца строки, тильды или креста в издании Д. Островского напечатан *ь*: 22, 21; 22, 23 *·ь* – *·*; *+* – *·*; 25, 10 *ь* – *~* – *~*; 22, 8 *болъгарская·ь* / – *болъгарская·*·~ – *болъгарская·*·~ и др.

¹⁵ На эту ошибку нам указал профессор А. М. Камчатнов.

¹⁶ В цитате опечатка: “не вѣнмаи *здѣ* женѣ” вместо “не вѣнмаи *здѣ* женѣ”.

¹⁷ Нужно признать, что и Д. Островскому не чужд индивидуальный, содержательный подход к пониманию природы разночтений, что отчасти сближает его с Д. С. Лихаче-

вым, который писал: “Нет текстологических фактов без истолкования. <...В>се факты индивидуальны. Каждый имеет свое объяснение” (Лихачев 2001, 60). Ср.: “<W>e should also realize, that each case contains its own characteristics and that these may override any given principle at any time” (XLIII). Но – такой подход применим “mostly to those cases where the stemma does not provide a clear evidence” (XLIII).

¹⁸ Древнейший пример в новгородской грамоте зафиксирован в списке 1263 г., сам текст датирован 1199 г. Следующий пример является результатом ошибки: “Кѣзь же болгарскѣи Семеонъ слы к Олександрѣ посла, мира прося <...>. Хрон. Г. Амарт., 541. XV в. ~ XI в.” Сл. РЯ XI–XVII вв. 17, 205. Форма *посла* является не асс.-gen. sg. от *посль*, а аористом от *посълати*, при котором прямым объектом является асс. plur. *слы* от *сль*.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

БЛДР1	Библиотека литературы Древней Руси, т. 1. Ред.: Д. С. Лихачев и др., Санкт-Петербург, 1997.
Л1	Лаврентьевская летопись. [Ред.: Е. Ф. Карский], ПСРЛ, т. 1, 3-е изд., Москва, 1997.
Л2	Лаврентьевская летопись, Российская Национальная библиотека (Санкт-Петербург), Ф. п. IV. 2. 1377 г.
НК	Новгородская карамзинская летопись. Ред.: Я. С. Лурье, подг. текста: А. Г. Бобров, З. В. Дмитриева, ПСРЛ, т. 42, Санкт-Петербург, 2002.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. Т. 1–42–, 1846–2002–.
P1	Радзивилловская летопись. [Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург), 34.5.30]. [Т. 2:] Текст. Исследование. Описание миниатюр. Ред.: Г. М. Прохоров, Москва, 1994.
P2	Радзивилловская летопись, ПСРЛ, т. 38, Ленинград, 1989.
СДРЯ I–VI	Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–VI–, Москва, 1988–2000–.
Сл. РЯ XI–XVII вв.	Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26–, Москва, 1975–2002–.
Стихирарь XII в.	Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitatum (St. Petersburg, Russian Academy of Sciences Library (BAN), Codex 34.7.6 (late 12th–13th cc.). Pars principalis. Reproduction intégrale. Ed. Nicolas Schidlovsky. Copenhagen, 2000 (= Monumenta Musicae Byzantinae, Vol. 12).
Ст.Сл.	Старославянский словарь: (по рукописям X–XI вв.). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, 2-е (стереотипное) изд., Москва, 1999.
Усп. сб. XII–XIII вв.	Успенский сборник XII–XIII вв. Изд.: О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Ред.: С. И. Котков, Москва, 1971.
Фасмер I–IV	Фасмер, М.: <i>Этимологический словарь русского языка</i> . Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, ред. Б. А. Ларин, т. I–IV, Москва, 1964–1973.
LXX	Septuaginta, id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Ed. A. Rahlfs. Duo volumina in uno. Stuttgart, s. a. (Editio I: 1935).
MR I–VI	Μηναία τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ. Т. I–VI. Ἐν Ῥόμῃ, 1888–1901.
SJS I–IV	Slovník jazyka staroslověnského. Vol. I–IV. Praha, 1958–1997.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. А.: 2001, ‘Текстология переводных произведений (Священное Писание)’, Д. С. Лихачев, *Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)*, 3-е изд., Санкт-Петербург, 689–717.

- Алексеев, А. А.: 2003, 'Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста', *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук* **55**, Санкт-Петербург, 50–57.
- Бобров, А. Г.: 2001, 'Принципы издания древнерусских летописей', Д. С. Лихачев, *Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)*, 3-е изд., Санкт-Петербург, 718–751.
- Генетическая критика 1999 – *Генетическая критика во Франции: Антология*, Москва.
- Гиппиус, А. А.: 1988, '«Повесть временных лет»: К вопросу об интерпретации названия', *Семиотика культуры: Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры, 8–18 сентября 1988 г.*, Архангельск, 63–66.
- Гиппиус, А. А.: 1996, '«НОУГОРОДЦЫ»: об одной орфографической аномалии в старовеликорусских текстах', *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*, Москва, 152–168.
- Гиппиус, А. А.: 1993/2000, '«Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия', В. Я. Петрухин (сост.), *Из истории русской культуры. Т. I: Древняя Русь*, Москва, 448–460. (Ранее опубликовано: *Cyrrilomethodianum* 15–16, 7–23.)
- Гиппиус, А. А.: 2002, 'О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет»', *Russian Linguistics* **26** (1), 63–126.
- Гольщенко, В. С.: 1982, 'Немаркированный знак у в ранних восточнославянских рукописях', С. И. Котков, Н. П. Панкратова (изд.), *История русского языка: (Памятники XI–XVII вв.)*, Москва, 3–27.
- Данилевский, И. Н.: 2004, *Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов*, Москва.
- Добродомов, И. Г.: 2002, 'Проблема филологической достоверности материала в исторических исследованиях', *Древняя Русь: вопросы медиевистики* **4** (10), 5–20.
- Крысько, В. Б.: 1997, *Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность*, Москва.
- Крысько, В. Б.: 2002, 'Исправления к I–IV томам', СДРЯ V, 585–645.
- Лихачев, Д. С.: 1999, *Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарий Д. С. Лихачева*, 2-е изд., испр. и доп., В. П. Адрианова-Перетц (ред.), Санкт-Петербург.
- Лихачев, Д. С.: 2001, *Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)*, 3-е изд. при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва, Санкт-Петербург.
- Лихачева, О. П.: 1994, 'О принципах передачи текста Радзивилловской летописи XV века', *Радзивилловская летопись. [Т. 2:] Текст. Исследование. Описание миниатюр*, Г. М. Прохоров (ред.), Москва, 15.
- Молдован, А. М.: 2002, 'Чем мылись новгородцы?', А. М. Молдован, В. С. Гольщенко (ред.), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, Москва, 229–231.
- Насонов, А. Н.: 1950, *Новгородская первая летопись. Старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград.
- Понырко, Н. В.: 1992, *Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII веков. Исследования. Тексты. Переводы*, Москва.
- Соболевский, А. И.: 1884, *Очерки изъ истории русскаго языка*, Соболевский, А. И.: 2004, *Труды по истории русского языка* **1**, предисл. и коммент. В. Б. Крысько, Москва, 1–247 (первая пагинация).
- Соболевский, А. И.: 1907, *Лекції по истории русскаго языка*, 4-е изд., Соболевский, А. И.: 2004, *Труды по истории русского языка* **1**, предисл. и коммент. В. Б. Крысько, Москва, 1–299 (вторая пагинация).
- Творогов, О. В.: 1984, *Лексический состав "Повести временных лет"*, Киев.

- Творогов, О. В.: 1987, 'Нестор', *Словарь книжников и книжности древней Руси 1 (XI–первая половина XIV в.)*, Ленинград, 275–278.
- Творогов, О. В.: 1987₁, 'Повесть временных лет', *Словарь книжников и книжности древней Руси 1 (XI–первая половина XIV в.)*, Ленинград, 337–343.
- Томашевский, Б. В.: 1959, *Писатель и книга. Очерки текстологии*, 2-е изд. (1-е изд.: 1928), Москва.
- Шахматовъ, А. А.: 1916, *Повѣсть временныхъ лѣтъ. Т. I: Вводная часть. Текстъ. Примечанія*, Петроградъ.
- Clark, A. C.: 1914, *Recent Development in Textual Criticism*, Oxford.
- Colwell, E. S.: 1969, *Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament*, Leiden.
- Genette, G.: 1989, *Seuils*, Paris.
- Goar, J.: M.DCC.XXX, *EYXOLOGION, sive RITUALE GRAECORUM . . .*, Opera R. P. Jacobi Goar. Editio Secunda Expurgata, & accuratior, Venetiis (reprint: Goar, J.: 1960, *Euchologion, sive rituale graecorum*, Graz).
- Hock, W.: 1986, *Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik*, München.
- Lunt, H.: 1997, 'Повѣсть врѣмєнныхъ лѣтъ от Повѣсть врѣмєнь и лѣтъ?', *Palaeoslavica* 5, 317–326.
- Miklosich, F.: 1860, *Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum, versionem latinam, glossarium edidit F. Miklosich*, Vol. I, Vindobonae.
- Müller, L.: 2001, *Die Nestorchronik. Die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivillovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller (= Forum Slavicum, Bd. 56)*, München.
- Ostrowski, D.: 1981, '[Review: Scheffler, L.: 1977, *Textkritischer Apparat zur Nestorchronik. Mit einem Vorwort von Ludolf Müller (= Handbuch zur Nestorchronik, Bd. 2)*, München]', *Harvard Ukrainian Studies* 5, 270–271.
- Ostrowski, D.: 1981₁, 'Textual criticism and the *Povest' vremennykh let*: Some theoretical considerations', *Harvard Ukrainian Studies* 5, 11–31.
- Ostrowski, D.: 1999, 'Principles of editing the *Povest' vremennykh let*', *Palaeoslavica* 7, 5–25.
- Parvis, M. M.: 1952, 'The nature and tasks of New Testament textual criticism: An appraisal', *Journal of Religion* 32, 165–174.
- Reinhart, J.: 2000, 'Die Textologie der kirchenslavischen Übersetzung der Evangelienhomilien Gregors des Großen', C. Voss et al. (Hrsg.), *Abhandlungen zu den grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszelanologische und textologische Untersuchungen*, Bd. 1 (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris 44), Freiburg i Br., 245–296.
- Riddle, D. W.: 1936, 'Textual criticism as a historical discipline', *Anglican Theological Review* 18, 220–233.
- Schlözer, A. L.: 1802–1809, *Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreibfehlern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt und übersetzt von A. L. Schlözer*, Bd. 1–5, Göttingen.

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва
rkrivko@yandex.ru

РОМАН НИКОЛАЕВИЧ
КРИВКО

Institut für Slawistik der Universität Wien
roman.krivko@univie.ac.at